

Черная вдова. Ученица Аль Капоне

Автор:

Марина Крамер

Черная вдова. Ученица Аль Капоне

Марина Крамер

Черная вдова Марина Коваль #1

Даже «железная Коваль», стоящая во главе самой опасной в городе бандитской группировки, хочет тепла и семьи. Красавица Марина разбила немало сердец мужчин и безжалостно обошлась с теми, кто причинил ей зло, а таких, увы, было предостаточно. Слишком много охотников разделить с ней постель, а еще больше тех, кто жаждет сломить ее волю, сделать игрушкой в своих руках. В их числе крупный авторитет Мاستиф, решивший заработать на красоте и бесстрашии Марины. Но Коваль не зря называют стервой: она умеет превращать лютых врагов в обожателей и мстить. И Мастиф скоро об этом узнает...

Марина Крамер

Черная вдова. Ученица Аль Капоне

Часть 1

Как попасть в замкнутый круг

Человек лежал на холодной земле, изо всех сил пытаясь хоть немного ослабить веревки, туго спеленавшие запястья. Шаги раздавались все ближе, и звук их в пустом заброшенном помещении кирпичного завода усиливался гулким эхом.

Самой малости не хватило – пары подписей на бумагах, и эти цеха принадлежали бы ему, а теперь их приберет старый ублюдок Мاستиф. Как же так вышло, кто сдал обстоятельства сделки этому упырю, подмявшему под себя половину города? Кто посмел доложить ему, что кавказец – коммерсант средней руки, – занимавшийся до сих пор торговлей китайским ширпотребом, решил обосноваться на территории, негласно принадлежащей группировке Мастифа? Проклятая жадность, ведь его не раз предупреждали – заплати хозяину за «крышу» и живи спокойно. Так ведь нет – решил сэкономить пару тысяч долларов!

Теперь уже поздно размышлять об этом, судя по всему, жить осталось совсем недолго – Мастиф не задумается, ему не впервой решать свои проблемы с помощью силы.

– Ну, здоров, что ли, партизан! – весело поприветствовал пленника невысокий лысый старик в длинном коричневом пальто. – Боцман, ну-ка стульчик мне! – это относилось к молодому здоровенному парню, безмолвно остановившемуся в шаге за его спиной.

Тот моментально разложил походную табуретку и поставил ее неподалеку от связанного. Мастиф сел, задумчиво оглядел помещение и протянул, словно обращаясь к самому себе:

– Хорошее место, тихое. Вот это и будет последним камнем в наших отношениях, да? – нога старика в дорогом ботинке ткнула мужчину в лицо. – Зацементируем, так сказать, на века! Что пробормочешь в оправдание, баран? Кто надоумил тебя полезть со своим уставом в мой монастырь, а? Решил обойти меня?

– Мастиф... так дела не делают, ты же знаешь, – облизав сухие, потрескавшиеся губы, пробормотал коммерсант. – Это мой завод...

– Да? – совершенно натурально удивился старик. – А как так получилось, Рифат, что я этого не знал? Это моя территория, и чужакам здесь не место! А ты, значит, дела делать за моей спиной хочешь?

– А кто ты такой, чтобы решать, кому место, а кому нет? – Рифат вдруг потерял всякий страх. Понимая, что в живых все равно не оставят, так хоть высказаться напоследок и умереть мужчиной, а не трясущимся ничтожеством.

– Кто я? Боцман, объясни.

Кроссовка парня врезалась в бок, прямо в печень, боль ослепила Рифата, дыхание остановилось, а Боцман, рывком подняв пленника с земли, ударил еще и под ложечку.

– Остынь, забьешь! – лениво приказал Мاستиф, прищурив желтоватые лисьи глаза. – Теперь понял?

Коммерсант хватал ртом воздух, стараясь хоть как-то прийти в себя:

– Нечего понимать! Много ты о себе возомнил. Пора о вечности думать, на покой удаляться... старый ты, а все крутого изображаешь. И ведешь себя, как баба – за копейки давишься...

– Как баба? – закатился мелким, дробным смехом старик. – Было бы так, как ты сказал, – разве смог бы я удержать под контролем полгорода? Да не родилась еще такая баба, которой это по силам! Кончай его, Боцман! – велел он, поднимаясь со стула.

– Ты... ты еще... вспомнишь меня... – прохрипел Рифат прежде, чем ладонь Боцмана перебила ему горло.

– Эй, уберите мусор! – крикнул Мастиф стоящим поодаль двоим молодым быкам в кожаных куртках.

Те приблизились к труп, взяли за ноги и потащили в соседний цех, где еще вчера была приготовлена глубокая яма – будущий «постоялец» копал ее собственноручно, готовя себе последнее пристанище.

Боцман проводил процессию взглядом, свернул табуретку и пружинящей походкой вышел из здания, догоняя своего босса. Мастиф, открывая дверцу черного «шестисотого» «мерса», снова засмеялся:

– Ты слышал, сынок? Тварь горная, на кого пасть открыть посмел! «Как баба!» – передразнил он мертвого уже коммерсанта. – Поехали отсюда, Череп, – усевшись в машину, поторопил он сидящего за рулем водителя.

* * *

«Черт, как же я ненавижу эти ночные дежурства! Все нормальные люди спят дома в своих постелях, а я вынуждена корчиться тут в кабинете на жестком диване, ожидая очередную „Скорую помощь“. Кого она привезет в следующий раз – загадка. Как же мне надоело это все...»

Молодая женщина лет двадцати шести отошла от окна и опустилась в большое кожаное кресло, взяв со стола пачку сигарет и зажигалку. Марина Викторовна Коваль, самая молодая в когорте заведующих отделениями в городской больнице скорой помощи, задумчиво закурила, скрестив длинные ноги на краю огромного стола, и тяжело вздохнула. Так сложилось – карьера пошла в гору сразу после института, едва только она успела овладеть (ну, или почти овладеть) профессией. Женщина-нейрохирург – экзотика, но ей всегда нравилось быть не такой, как все. Однокурсницы становились гинекологами, терапевтами, косметологами, и только одна Коваль неожиданно для всех оказалась в группе будущих хирургов, а затем прошла специализацию по нейрохирургии. Вот уже полгода Марина заведовала отделением, в которое пришла еще санитаркой. А дежурства брала не от недостатка денег, а скорее от невостребованности. Дома особенно никто не ждал, если не считать собаки. Афганец Клаус, хоть и не человек, но порой казался Марине умнее некоторых подчиненных. Вот как-то так – удачная во всех отношениях карьера и экзотическая личная жизнь. Сейчас ее это уже не волновало, привыкла.

Телефонный звонок опять отвлек от размышлений:

– Нейрохирургия, Коваль.

– Привет, – хрипловато сказала трубка. – Работы нет? Приходи, жду.

На том конце отключились. Женщина послушно встала, поправила халат, волосы, подкрасила губы. Стараясь не стучать каблуками, прошла мимо поста. Так и есть – дежурная сестра спит сном праведницы. Марина забарабанила пальцами по столешнице:

– Подъем, Ирочка! Во сне жизнь проходит!

Сестричка с перепугу дар речи потеряла – еще бы, заведующая поймала на нарушении распорядка!

– Извините, Марина Викторовна, я ж через ночь дежурю...

– Ладно-ладно. Если что – я по мобильнику.

– Да, Марина Викторовна.

Кажется, ни для кого уже не секрет, в том числе и для сестер, куда периодически отправляется во время дежурства Марина Коваль. В первую травму, естественно. Больше ее нигде не ждут с таким нетерпением...

Спустившись на два этажа и пройдя по темному коридору, Марина оказалась перед дверью ординаторской. Поправив выбившуюся прядь, вошла. Там царил интимный полумрак. На диване, развалившись, сидел с чашкой кофе и сигаретой Денис Андреевич Нисевич – темноволосый, черноглазый красавчик с бледным лицом и тонкими губами. Он прекрасно знал себе цену, пользовался повышенным вниманием со стороны почти всех женщин в больнице, но возле себя хотел видеть только Коваль. Только она могла быть его женщиной.

– Что так долго? – поинтересовался он.

– А ты заждался? – парировала Марина, садясь в его кресло и закуривая сигарету.

– Не начинай! – попросил он. – Мы две недели не виделись, ты разве не соскучилась, а?

Как всегда, он был прав. Она скучала по нему безумно, просто как больная, эти две недели были бесконечны. Пора было прекратить играть.

Затушив сигарету в его пижонской бронзовой пепельнице, Марина посмотрела на своего любовника:

– Как твои дела, Денис?

– У меня все как обычно, – откликнулся он, отпивая кофе из чашки. – Где ты-то пропала?

– Депрессия, Дэн. Лежала дома и выбирала способ самоубийства.

– У тебя странный юмор, я иногда не понимаю, шутишь ты или серьезно говоришь.

Когда-то давно, еще на втором курсе мединститута, они с Денисом Нисевичем едва не поженились, но вот не случилось как-то. Потом разошлись и спустя годы встретились вновь в этой больнице. Он – талантливый травматолог, хорошо владеющий своим делом, она... Как говорится, кто-то имеет талант, а кто-то честолюбивое стремление к власти. У Коваль преобладало последнее, хотя врачом и она была неплохим.

Их снова повлекло друг к другу, и уже через три месяца они стали любовниками. Марина, конечно, знала, что у него есть жена и сын, но разве здесь есть проблема? Дениса же это никак не угнетало. Он подгадывал график дежурств так, чтобы смены у них совпадали, как сегодня. Вообще для него ситуация была благоприятная – не надо врать жене, не надо искать пустую хату, наконец, на Марине не надо жениться.

– Ну, что же ты? – вывел из задумчивости хриловатый голос.

В ответ на реплику она встала с кресла, расстегивая пуговицы халата, под которым, кроме белья, была только короткая шелковая юбка. Сбросив одежду на пол, Марина осталась в малиновом кружевном белье.

Денис отставил чашку, протянул руку и уложил женщину на диван. Ее голова оказалась где-то внизу, и он неловко согнулся, чтобы достать до губ. Потом медленно расстегнул лифчик...

В такие моменты Коваль готова была простить ему все его странности и причуды. Лучшего мужчины у нее не было, хотя опыт по этой части имелся, и довольно неплохой. Но такого, как с Нисевичем, она не испытывала ни с кем. Хотя были в этих отношениях моменты не просто неприятные – страшные.

...Потом она лежала на диване и курила, а Денис сидел напротив и наблюдал. Ей всегда казалось, что он изучает ее, словно какое-то животное, – как она лежит, как сидит, как потягивается...

– Красивая ты все-таки, Коваль! – вздохнул Денис, не отрывая от нее своих черных глаз.

– Почему «все-таки»? – спросила она, затягиваясь сигаретой.

– Потому что я почти десять лет пытаюсь найти в тебе изъян и не могу. Почему ты тогда не вышла за меня, а?

– Господи, Денис, ну хватит уже! Сто раз обсудили все. Во-первых, ты не особенно настойчиво звал меня замуж. А во-вторых, что хорошего вышло бы из нашего брака, скажи? Ты гулял бы от меня, я, возможно, тоже... Разве нам плохо так, как сейчас? Нет обязательств, обещаний...

Он опять вздохнул, подошел к дивану и лег рядом с Мариной, крепко прижав к себе.

– А я жалею. И не гулял бы я от тебя, зря ты.

– Ой, вот только не надо сказок! – засмеялась она. – Ты же блудливый котяра, Денис, ты не можешь довольствоваться одной женщиной. Давай не будем об этом.

Они снова занялись любовью, но тут заверещал мобильник, и Марина, с неохотой оторвавшись от Нисевича, взглянула на дисплей. Поднявшись с дивана, начала одеваться. Денис недовольно наблюдал за ее манипуляциями.

– Вызывают?

– Да, в отделении что-то.

– Возвращайся, – попросил он.

– Ну слушай, я же не могу туда-сюда бегать! – возмутилась она, но Нисевич, крепко взяв ее за руку, повторил:

– Возвращайся, я тебя прошу.

– Хорошо,пусти.

Она поцеловала его в щеку и пошла к себе.

В отделении царил бардак – в «интенсивке» стало плохо больному, сестры бегали как ошпаренные. Зайдя в палату, Коваль рявкнула на дежурную:

– Что за базар? Первый раз эпилептический приступ видите? Измерьте давление и два реланиума в вену медленно.

Забрав со стола историю болезни, она ушла к себе в кабинет, сделала запись. Через тридцать минут, вернувшись в палату и убедившись, что больной дышит ровно и глаза больше не закатывает, пообещала медсестре внеочередной зачет по эпилепсии и удалилась в первую травму.

Нисевич по-прежнему лежал на диване, но уже в синей хирургической робе.

– Что там у тебя?

– А, все нормально. Сестра молодая, два месяца всего работает, а ее на «интенсивку» поставили. Завтра порву старшую.

Марина села на диван рядом с Денисом. Его лицо выражало недовольство.

– Перестань, – попросила она, целуя его в щеку. – Ведь я на работе, у меня шестеро тяжелых.

Он обнял ее, пригнув голову к своей груди.

– Я вот думаю, а вдруг ты замуж соберешься? – спросил он неожиданно. – Что мне делать тогда? Я не хочу делить тебя ни с кем.

– Но я же делю тебя с твоей женой! – пожала плечами Марина. – Между прочим, она моложе меня.

– Ну и что? – поморщился Денис. – При чем тут это? И вообще... Хочешь, я уйду от нее?

Это было неожиданно и даже где-то лестно. Но увы – подобные жертвы Коваль никогда не были нужны.

– Зачем? Чтобы потом всю жизнь мучиться угрызениями совести и еще меня заставлять? Я никогда не была третьей и сейчас не хочу.

– Да, конечно – ты всегда первая, во всем! – с досадой произнес Нисевич. – И в работе, и в постели! Куда уж нам, простым смертным!

– Мы сейчас опять поругаемся. Может, прекратишь? – поинтересовалась Марина. – Ведь это ты завел разговор о разводе, не я. Мне ничего не нужно, ты ведь знаешь. Меня и так все устраивает.

Нисевич вскочил с дивана, развернул ее к себе лицом и быстро зашептал, едва не срываясь на крик:

– Что тебя устраивает?! Вот эти... случки на диване в ординаторской тебя устраивают?! Да про нас два отделения анекдоты рассказывают: мол, Нисевич и Коваль такое на дежурстве творят...

– Так вот что тебя расстроило? – насмешливо спросила она. – По-моему, это должно волновать больше меня, чем тебя. А к твоему имиджу это только добавляет плюсов.

– Каких, к черту, плюсов! Мне тебя жалко, ведь это о тебе шушукуются за спиной твои же доктора! А ты даже не замечаешь!

Но Денис не открыл ей Америку – она все прекрасно знала и без него. Ее подчиненные, сплошь мужики за тридцать, просто из себя выходили. Еще бы, их стерва-заведующая предпочла любому из них рядового травматолога! Не было случая, чтобы на посиделках в отделении кто-то из них не попытался подкатить

к Коваль с интимным предложением. Правда, всегда безрезультатно. На планерках она отчетливо читала по их лицам, какие желания испытывают они по отношению к своей начальнице, и ее это очень забавляло.

Марина погладила Дениса по лицу, он перехватил ее руку, прижался к ней губами.

– Прости, что-то я истерю сегодня, – попросил он. – Я устал от этого раздвоения, устал разрываться между тобой и женой...

– Так давай прекратим встречаться, – пожала плечами Марина, встряхнув рассыпавшимися по плечам темно-русыми волосами. – В чем проблема?

– О господи! – простонал Нисевич, хватаясь за голову. – Ну почему ты такая? Неужели ты не понимаешь, что я не могу отпустить тебя, я сдохну просто...

– Прекрати, – попросила она. – Это начинает смахивать на мексиканский сериал. Давай без надрыва – устал, значит, пора расставаться.

С этими словами Марина вырвалась из его рук и ушла.

До утра ее больше никто не беспокоил, и Коваль успела даже вздремнуть. На утренней планерке дежурных врачей Нисевича не было – наверное, не захотел видеть любовницу, чтобы самолюбие опять не пострадало. В отделении Марина, как и собиралась, сделала нагоняй старшей сестре за плохой подбор смены. Пожилая Ольга Борисовна отбивалась:

– Вы же знаете, Марина Викторовна, сестер не хватает. Кто есть, того и ставлю!

– В смене должна быть хоть одна опытная сестра! – отрезала та. – Почему заведованием должна собственноручно снимать элементарный приступ у больного? Может, мне заодно и градусники раздавать? И анализы тоже я могу забирать, раз уж нет сестер! Вам ясен смысл моих требований, дорогая Ольга Борисовна?

– Вполне! – огрызнулась старшая.

– Ну, вот и договорились! Принесите мне график дежурств на этот месяц, я сама его переделаю.

Марина повернулась к телефону, давая понять, что у нее все. Старшая вышла из кабинета, плотно закрыв дверь, а Коваль удовлетворенно улыбнулась – как обычно, настояла на своем.

Постучали.

– Да, входите, – откликнулась Марина, убирая в папку истории поступивших за ночь больных.

– Марина Викторовна, уже девять, пора на планерку к главному, – в дверях стоял Игорь Гринев, молодой ординатор, жутко блатной, как говорили.

Марине навязали его три месяца назад, в нагрузку, так сказать, к ее собственному назначению. Она отчаянно сопротивлялась, брать не хотела, но пришлось – надавил главврач. Мальчик был не то чей-то сын, не то племянник, короче, отделаться от него Коваль не смогла.

При всей своей бестолковости в медицине вообще и в нейрохирургии в частности, он быстро стал любимчиком у медсестер – вовремя хихикнет, вовремя комплимент скажет, не побрезгует помочь, если надо. Словом, душка. Он и заведующей все время пытался оказывать знаки внимания – то кофе сварит, то сигареты купит именно те, что она предпочитает, то, как сейчас, напомнит о планерке или совещании. Сладенький такой пупсик. Марине же в его присутствии всегда почему-то хотелось соленого огурца...

– Спасибо, Игорь Васильевич, – отозвалась она, с сожалением вставая из кресла, в котором так удобно расположилась, собираясь выпить чашку утреннего кофе. – Доктора собрались уже?

– Да, вас ждем.

Марина взяла папку с историями и вышла в коридор. Там ее ждали шестеро мужчин в хирургической робе. Они все вместе пошли в актовый зал, где проводил планерки главный врач. Народа было уже полно, почти все собрались

и в ожидании начала трепались о том о сем. Перебивали косточки, обсуждали надвигающиеся выходные, похихатывали.

– О, а вот и королева со свитой! – пошутил заместитель по хирургии, полный, страдающий одышкой Лесовой, когда Марина со своими докторами вошла в зал.

– Простите, задержалась, – произнесла Коваль, улыбаясь в ответ на шутку.

– Ну конечно, корону никак найти не могла! – пробурчал кто-то из сидящих.

Марина даже бровью не повела – ее эти разговоры никогда не задевали. Нейрохирурги расселись кто где мог, но Коваль почему-то опять оказалась одна в мужской компании – такое удивительное свойство было у нее, даже сама не могла объяснить, как это происходит. Поймав на себе чей-то взгляд, Марина слегка повернула голову – чуть правее, ряда через три, сидел Денис, бледный, с кругами вокруг глаз. Она отвернулась, вздернув подбородок, и сделала вид, что с интересом слушает бормотание главного о фактах нарушения трудовой дисциплины.

После планерки, когда в тесном тамбуре образовалась очередь, Денис пробрался к ней и непринужденно сказал:

– Доброе утро, Марина Викторовна! Прекрасно выглядите, впрочем, как всегда.

Со стороны никто и не подумал бы, что сегодня ночью они до изнеможения занимались любовью. Конспиратор! Марина в ответ тоже слегка кивнула:

– Спасибо за комплимент, Денис Андреевич.

Он ее за локоть, отводя к лифту:

– Можно вас на пару слов? Мне нужна консультация...

С этими словами он запихнул женщину в открывшуюся дверь лифта, нажал вниз.

– Ты что, спятил? Что ты делаешь? – возмущенно спросила она, пытаясь освободиться.

– Молчи, молчи, – бормотал он, срывая с нее халат.

– Денис, опомнись, мы в лифте! – отбивалась Марина, но Нисевич заклинил дверь зажигалкой.

– Не бойся, этим лифтом очень редко пользуются...

Он продолжал сдергивать с нее немногочисленные тряпочки до тех пор, пока она не осталась в одних туфлях.

– Господи, на что ты меня толкаешь, сучка, – выдохнул он, прижимая Марину к стенке и покрывая ее тело поцелуями. – Никогда, слышишь, никогда не смей уходить от меня!

Он развернул ее спиной к себе и все повторял в такт своим движениям:

– Не смей, я не позволю, ты моя, ты только моя...

Когда все закончилось, опустился на пол и закрыл руками голову. Марина продолжала стоять к нему спиной, вся влажная, пахнущая его запахом... Потом, нагнувшись, поднимая с пола лифчик, случайно коснулась грудью рук Нисевича. Этого оказалось достаточно, чтобы он, дернув ее к себе, повторил свой эксперимент.

– Денис, ты безотказен, как автомат Калашникова! – пошутила Коваль, сидя у него на руках лицом к лицу. Он блаженно улыбался, бродя губами по ее телу. – Что ж ты делаешь со мной, а? – спросила она, беря его за подбородок. – Ты трахаешь меня в лифте, как будто я «дорожница» какая, а не заводделением. Это уже слишком, тебе не кажется?

– Нет, – произнес он, не открывая глаз. – Это моя эротическая фантазия.

– Обалдеть! – засмеялась Марина. – И много у тебя таких? Просто чтобы знать, к чему готовиться?

– Ты и сама прекрасно знаешь, Коваль, – ответил Денис, помогая ей встать и одеться. Украдкой проведя рукой по ставшему влажным кружеву трусиков, он удовлетворенно улыбнулся:

– Теперь я весь день буду с тобой...

– Нисевич, ты извращенец!

Он вынул из двери зажигалку, нажал кнопку этажа.

– Как я выгляжу? – спросила Коваль, подкалывая волосы кверху массивной заколкой.

– Отлично, но не вздумай переодеться, – прошептал он ей на ухо. – Я зайду и проверю.

– Дурак ты, – вздохнула Марина, выходя на своем этаже.

Сделав надменное лицо, она прошла к себе в кабинет походкой человека, у которого все в порядке. И уже там, замкнув дверь, опустилась в изнеможении на стул, едва не плача. «И куда заведет меня этот роман? Почему я никак не могу найти в себе силы, чтобы покончить с этим?»

Денис просто спятил. Его игры становились все опаснее, все сильнее затягивали и его самого, и Марину...

Она едва успела привести себя в порядок, как в кабинет вошла старшая сестра с графиком дежурств в руке и, молча положив его на стол перед заведующей, пошла к двери.

– Ольга Борисовна, – окликнула Марина. – Не надо так демонстративно! Я просто хочу, чтобы врачей на дежурстве не дергали по вопросам, которые сестры в состоянии решить и сами. Это понятно?

– Понятно! – с вызовом ответила старшая. – Непонятно только, чем таким важным бывают заняты врачи, что не всегда могут сразу к больному подойти!

Она уставилась на Коваль, но та глаз не опустила – уж что-что, а объясняться с подчиненной не собиралась.

– А что вы, уважаемая Ольга Борисовна, скажете по поводу того, что наши девочки спят на посту без зазрения совести? – поинтересовалась Марина, закуривая. – Насколько я помню, у нас с правом сна работают только санитары. Или меня подводит память?

Старшая сникла – разговор пошел не в то русло, на которое она рассчитывала.

– Я разберусь, – пообещала она.

– Да уж будьте добры! Тем более что это ваша обязанность, – подхватила Коваль, наслаждаясь очередной победой.

Старшая вышла, и вскоре Марина удовлетворенно услышала, как она орет на девчонок на посту. Ничего, пусть знают. Коваль позвали в перевязочную, она быстро сменила туфли на сабо без каблука, взяла маску, колпак. Влажное белье мешало, но переодеться было не во что. Чертов Денис, теперь только об этом и придется думать!

...Закончив с перевязками, посмотрев нового больного и отказавшись от обеда в ординаторской, Марина закрылась в кабинете, закинув на край стола ноющие и налившиеся тяжестью ноги. Нужно было как-то распланировать выходные. Может, в лес собаку вывезти? А что, погода отличная, осень в этом году – просто подарок: теплая, желтая и сухая. Можно хоть на весь день за город уехать, пусть бедный пес побегает как следует.

В дверь постучали тихонько. Наверное, опять Гринев кофе принес, подхалим несчастный. Марина побрела открывать, на ходу застегивая халат. Вместо кофе и Гринева возник Нисевич с розой в руке.

– Ты что, обалдел? На глазах всего народа? – изумилась она.

– Нет там никого, мужики твои пятницу отмечают, а к девкам торгоши с косметикой пришли, они все в персоналке сидят.

Он защелкнул замок, бросил цветок на стол. Черные глаза засветились в предвкушении.

– Денис, не надо! – предупредила Марина, отступая к столу. – Не смей трогать меня сейчас!

– А что такое? – ухмыльнулся он, прижимая ее к себе и забираясь под халат.

Он прекрасно знал: стоит ему только коснуться ее, как от ее благоразумия не останется и следа. Его руки скользили по телу, заставляя ее извиваться, а он все тянул с главным, как будто и не собирался вовсе...

– Денис! – взмолилась Марина. – Пожалуйста, не мучай меня.

Он впился в ее рот, зная, что после этого она будет готова на все.

– Можно, я приеду к тебе завтра? – неожиданно спросил он, отрываясь от ее губ. – У меня возникла пара идей, которые я хочу воплотить в жизнь.

О, нет, только не это! От его так называемых «идей» Коваль в дрожь бросало, поэтому она с некоторых пор не позволяла ему приезжать к ней домой.

– Нет.

Он разозлился:

– Что, я хорош только для кабинета? Во дворец не допускают. Рылом не вышел?

– Зачем ты так? Мы договорились, что не будем выносить это за больничные стены.

– А то что?

– Ничего. Я же сказала – нет! – отрезала Марина как можно жестче. – И потом, Милка...

– При чем тут Милка?! Она ничего не знает, спит спокойно и вообще довольна жизнью! В конце концов, это ей нужен был этот брак, а не мне, вот и имеет, чего добивалась. Я тоже имею право чего-то хотеть.

– И что же, ты, значит, хочешь меня? В вечное сексуальное рабство? С Милкой тебя тоже фантазии мучают? Или это только я тебя так вдохновляю? – Марина уже еле сдерживалась, чтобы не орать во весь голос.

Его упертость иногда ее просто раздражала. Он почему-то считал, что имеет право на ее жизнь, ее время, ее тело. Только душа его не интересовала.

– Моя жизнь тебя не касается! – бросил он, вставая с дивана и направляясь к двери.

– Точно так же, как тебя не должна касаться моя! Вали отсюда и больше никогда не появляйся!

– Сама придешь, как миленькая! – усмехнулся Денис уже на пороге. – Куда ты денешься от меня, Коваль! Еще предлагать будешь, но я подумаю, надо ли соглашаться.

Дверь хлопнула. Марина села в кресло, дрожащей рукой вытащила из пачки сигарету, закурила. На больших настенных часах было без пяти три, можно идти домой. Да, пора, пожалуй...

Натянув сапоги, белое длинное пальто и набросив поверх него ярко-красную шаль, она вышла на автостоянку, где ночевала ее машина. Огромный «Лэнд Крузер» мигнул фарами, словно приветствуя. Страсть к таким большим тачкам была у нее в крови, Марина обожала гонять на «крузаке» по ночному городу.

Ссора с Денисом выбила из колеи. Нужно взять себя в руки, иначе можно и не доехать до дома. Но Марину душила обида, и слезы сами катились из глаз, оставляя дорожки туши. Она этого даже не замечала, до того паршиво было на душе. Только почувствовав кожей лица что-то вонючее, резиновое, Коваль поняла, что уже никуда не едет, а перед ней – подушка безопасности. Черт, черт, черт! Ну так и есть – врезалась в зад старой «Тойоты Висты», вмяв

багажник в салон... Марина кое-как выбралась из машины.

Из «Тойоты» тем временем выбрался высокий, поджарый военный, майор, судя по погонам, и медленно приблизился к виновнице аварии. На Марину уставились ледяные серые глаза.

– Торопимся, девушка? Не замечаем ничего? Дистанцию не держим?

– Ради бога, простите меня! Если не торопитесь, вызовем ГАИ, но лучше давайте так разойдемся, я заплачу, сколько скажете.

– Беда с вами, с женами «новых русских»! – процедил он.

Коваль вдруг, неожиданно для себя, произнесла:

– Я ничья жена, я сама по себе, и деньги мои собственные, если вас именно это смущает.

Майор покачал головой:

– Я, девушка, пока что вашим семейным положением не интересуюсь.

Она почему-то ответила:

– У меня неудачный день, понимаете? Я с дежурства, не выспалась, голова очень болит, и вообще... вообще все плохо.

И тут, потеряв всякий контроль над собой, расплакалась. Майор обалдел – разбила его машину, да еще рыдает.

– Успокойтесь, пожалуйста! Черт с ней, с машиной, ей все равно пора на свалку. Не надо так, девушка, не все в жизни так уж плохо, как иногда кажется...

Но у нее как раз все обстояло несколько иначе. Дело, конечно, было не в деньгах – пятьсот баксов она отдала бы легко, подумаешь, не купит очередной комплект белья; но на душе было паскудно... Почему-то именно этому майору вдруг

захотелось пожаловаться на судьбу.

– Не сочтите меня полной дурой, но... вы не могли бы выпить со мной кофе где-нибудь? – спросила Марина, доставая из сумки платок и вытирая глаза. – Я так виновата перед вами... Прошу вас, соглашайтесь!

Майор посмотрел на нее внимательно, потом подумал и ответил:

– Если вам от этого полегчает... Но мне нужно эти «дрова» куда-то пристроить, – он кивнул на машину. – Давайте сделаем так: вы поедете за мной, только медленно, а то опять врежетесь. Я поставлю ее на стоянку, и мы поедem, куда захотите. Идет?

– Да, – кивнула Коваль, садясь в почти неповрежденный «крузер».

Они проехали пять кварталов, майор бросил машину на какой-то стоянке и подошел к «крузеру»:

– Если не возражаете, поведу я. Очень жить хочется. У меня час назад начался отпуск, не хочу провести его в больнице, весь в гипсе и бинтах.

Марина пересела на пассажирское место, уступив ему руль.

– Ну, куда едем?

– Все равно, куда хотите! – отмахнулась она.

– Так не пойдет! – засмеялся он. – Идея ваша была, так что командуйте.

– Тогда в центр, в «Латину». Знаете, где это?

– Да, знаю, но никогда не был.

Это был ее любимый кофейный ресторан – там варили изумительный кофе, звучала бразильская музыка и исполнялись латиноамериканские танцы.

Коваль разглядывала случайного знакомого. Когда тот снял трикотажную черную шапочку, оказалось, что он наголо выбрит и из растительности на лице имеется только тонкая полоска усов. Волевой подбородок, нос с хищно вырезанными ноздрями, твердые губы. Породистый мужик, ей такие всегда нравились. Он, видимо, заметил, что его изучают.

– Может, познакомимся, раз уж так вышло?

– Давайте.

– Меня зовут Федор, фамилия – Волошин. Мне тридцать шесть, служу в армии, как, наверное, несложно догадаться. Не женат и никогда не был. А вы... Дайте, угадаю – свой бизнес? Нет? Спортклуб? Тоже нет? Бутик какой-нибудь? Опять нет? С ума сойти, первый раз не могу угадать! Сдаюсь!

– Вы просто мыслите шаблонно, – улыбнулась Марина. – Я врач, нейрохирург. Заведую отделением в городской больнице. Марина Коваль. Как вы поняли, не замужем, детей нет, зато есть собака.

– Обалдеть! – засмеялся Федор. – Нейрохирург, надо же!

– Что, не похоже? – удивилась она.

– Ни капельки! – подтвердил он, продолжая смеяться. – У тебя руки женские, маленькие.

– А, по-твоему, должны быть как лопаты? Тонкими пальцами легче работать, если хочешь знать.

– Не спорю. Просто работа у тебя не женская, да и нервы не к черту.

– Я же говорю – неудачный день. Все, приехали, вот «Латина».

Они вошли в ресторан, мэтр услужливо заулыбался – Коваль бывала здесь регулярно, любила расслабиться с чашкой хорошего кофе и рюмкой коньяка.

– Как обычно, к камину?

– Да, если там свободно.

– Ого! – тихо присвистнул Федор. – Постоянная клиентка?

– Типа того! – согласно кивнула Марина, уверенно направляясь к своему любимому столику у большого горящего камина. – Ты на цены не смотри, платить буду я.

– Я не привык, чтобы за меня платила женщина, даже если она ездит на «крузере».

– Ой, только без этого! – попросила Коваль, чуть сморщившись. – Ведь это я собираюсь грузить тебя своими проблемами, значит, я и счет оплачиваю. И это приказ, майор!

Федор изучающее смотрел на нее.

– Слушай, по-моему, у тебя и правда проблемы. Ты тащишь в ресторан незнакомого мужика, чтобы поплакать ему в жилетку?

– Если хочешь, можешь уйти, я не в претензии.

– Нет уж, теперь ты от меня не отделаешься! – произнес он с шутливой угрозой. – Я хочу знать о тебе все!

Официант подал кофе, «Хеннеси», поставил пепельницу.

– Куришь, – констатировал Федор.

– Они легкие, с ментолом.

– Я вот тоже. Никак бросить не могу.

Они закурили, Федор разлил коньяк по рюмкам:

– Что, за странное знакомство? – предложил он.

– Давай.

После второй рюмки Марина немного расслабилась, а после пятой разрыдалась и выложила ему все – про больницу, Нисевича, его приставания и даже про мерзкие фантазии... Федор молча слушал, не перебивал, только изредка подносил зажигалку к очередной ее сигарете. Внезапно Марина спросила:

– Ты куда-нибудь торопишься сегодня?

– Нет, я живу один.

– Поедем ко мне? Нет, серьезно! Я хочу поговорить с тобой еще...

– Ты определенно не в себе! А вдруг я маньяк-убийца? – поинтересовался Федор.

– Вот и проверим! – решительно заявила она, вставая из-за стола.

Федор пошел за ней, в гардеробе подал пальто, и она уловила едва ощутимый запах «Аквамэн», который легко отличала от любого другого – сама вот уже несколько лет пользовалась женским вариантом этой туалетной воды.

Сев в машину, Марина назвала Федору адрес. Ее трехкомнатная квартира располагалась в самом дорогом и шикарном районе, на третьем этаже элитной новостройки. Бросив джип во дворе, Марина кивнула консьержу, отдала ключ, чтобы попозже он загнал машину в «подземку». Дома ждал изнывающий от одиночества пес, которого в отсутствие хозяйки водил на прогулки тот же консьерж. Удивительно, но подозрительному и ревнивому Клаусу Федор приглянулся – Коваль отродясь не видела, чтобы ее собака лизала кому-то руки...

– А ты говорил, маньяк, – заметила она. – Проходи. Не возражаешь, если я быстренько душ приму? А то после работы как-то...

– Конечно, иди.

Федор уселся в кресло, щелкнув пультом телевизора.

Марина вышла из душа в теплом халате, достала из бара коньяк и лимон на блюдце.

– Ты не многовато пьешь? – поинтересовался Федор, забирая у нее бутылку.

– Совсем почти не пью. Просто сегодня... Скажи, а почему ты поехал со мной?

– Не выношу женских слез, – улыбнулся он.

– Да? Вы лукавите, майор. Ты ведь прекрасно понимаешь, что сейчас произойдет!

– Если хочешь, я уйду.

– Нет, не надо, не уходи... Я хочу провести ночь с нормальным человеком, а не с извращенцем, доводящим меня до безумия, – попросила Марина тихим и каким-то даже виноватым тоном. – Я нравлюсь тебе хоть немного?

Это было чистой воды кокетство – не попадался ей пока ни один, сказавший бы «нет». Коваль прекрасно знала себе цену: высокая, стройная шатенка с грудью второго размера и тонкой талией, с длинными ногами и упругим телом...

– Да, ты мне очень нравишься, – спокойно ответил Федор, глядя ей в глаза. – Подойди ко мне! – вдруг решительно сказал он.

Она подошла вплотную:

– Хочешь, чтобы я разделась?

– Нет, я хочу сделать это сам. – Он протянул руку, развязал пояс халата, затем снял его совсем. Марина стояла в фиолетовом белье, состоящем из кружевных цветов и тонких тесемок. Федор разглядывал все это с интересом, гладил осторожно пальцами. Наконец он поднялся из кресла, снял камуфляжную куртку, оставшись в безрукавой тельняшке. У него были сильные руки, не

слишком накачанные, но очень крепкие, и Марине вдруг безумно захотелось оказаться в этих руках, чтобы они сжали ее и никуда больше не отпускали... Войдя в спальню, он спросил:

– Здесь есть свет?

Хозяйка щелкнула выключателем – над огромной кроватью загорелись свисающие с потолка на тонких шнурах лампочки. Света от них было немного, зато они создавали эффект звездного дождя. Федор усмехнулся:

– А ты с выдумкой! Тебе подходит эта спальня. Ну, иди же ко мне.

Он сдернул покрывало, обнажая черные шелковые простыни, и Марина растянулась поперек постели, а Федор все смотрел на нее, словно прикидывая, с чего начать. Потом опустилсся сверху, опираясь на локти, и поцеловал. Этот поцелуй был таким нежным и страстным одновременно, что у Марины, даже несмотря на то, что в ее жизни сегодня и так было немало интима, внутри все перевернулось. «Ничего себе! Даже Нисевичу далеко до этих губ», – отметила она про себя.

Они целовались очень долго, принаравливаясь друг к другу, знакомясь. Не отрываясь, Федор расстегнул лифчик, освобождая грудь, спустился к ней губами, лаская шею, и Марина сходила с ума от этих поцелуев, выгибала спину. Внутри уже все плавилось от невыносимого желания принадлежать ему. А он добрался до трусиков, лаская их кружево, осторожно снял. Когда он вошел, из Марининой груди вырвался стон наслаждения. Дальнейшее напоминало марафон – Федор не отпускал ее больше часа, перебрав все возможные позы. Такого она раньше не испытывала...

– Тебе было со мной хорошо? – спросил он, когда все закончилось.

– Господи, как ты можешь спрашивать? Ты... восхитителен... – выдохнула Марина, потянувшись, как после сна. – Я не встречала таких, как ты.

Взяв его ладонь, она перебирала пальцы, разглядывала линии. Ее всегда почему-то притягивали мужские руки.

– Федор, я выгляжу очень неприлично, да?

– Зачем ты? Не надо портить нам обоим удовольствие. Я полгода не был с женщиной, а с такой, как ты, вообще никогда.

– Так дело только в этом? Тебе все равно, кто был бы сейчас на моем месте?

– Зря ты так, Марина, мне не все равно. Я даже рад, что именно ты раздолбала мою тачку, иначе я не узнал бы, что бывают такие женщины.

Он целовал ее лицо, руки, гладил тело, от этих прикосновений она заводилась все сильнее. Он снова вошел в нее, только на этот раз еще нежнее, еще внимательнее, словно прислушиваясь к каждому вздоху, замечая каждый жест.

– Все... не могу больше... – простонала Марина, закрывая глаза.

– Потерпи еще секунду, – попросил он. – О боже...

Она совершенно обессилела, а Федор, казалось, может еще продолжать. Даже до душа дойти Коваль не смогла, так и уснула, прижавшись к его обнаженному телу.

Утро началось с поцелуя и чашки кофе, поданной в постель.

– Просыпайся, соня! Уже десять часов, – и Марина открыла глаза, обнаружив улыбающегося Федора, сидящего возле нее с чашкой свежесваренного кофе в руках.

– Мне в кои-то веки куда не надо, могу позволить себе поваляться до обеда!

Федор снова поцеловал ее, лег рядом и спросил:

– Слушай, а откуда все это у тебя, подружка? Я имею в виду машину, квартиру? Родители?

– Нет, представь себе, сама заработала, мне не на кого надеяться, кроме как на себя. Я вкалывала со школы, все время отказывала себе даже в элементарном. Зато теперь могу позволить почти все.

Признаться, Марина слегка лукавила. Но не могла же она вот так сразу выложить едва знакомому человеку все об истинном источнике своего благосостояния!

Дело было в том, что еще в интернатуре судьба свела молодую, амбициозную красотку с одним очень крупным криминальным авторитетом, под «крышей» которого находились все клубы, рестораны, бары и казино города. В одном из этих веселых заведений его и подстрелили однажды, а спасать пришлось Марине, так как дежурная бригада хирургов была невменяема по причине праздника.

С тех пор Мاستиф проникся к ней признательностью и чем-то вроде отцовской любви, что, однако, не мешало ему время от времени обращаться с просьбами, как-то: положить в отделение непрофильного больного под чужой фамилией, снять кому-нибудь абстинентный синдром... А уж сколько пуль и осколков она извлекла из накачанных торсов его братков... Не говоря о ножевых ранениях! Естественно, ее услуги хорошо, да что там – просто очень щедро оплачивались. Но Марина тяготилась этим знакомством, прекрасно понимая, что до добра оно не доведет.

Словом, сказать Федору правду она не могла. А потому скормила ему ту же лапшу, что и всем – сказку про бедную девочку, работающую с утра до ночи. Волошин долго молчал, переваривая и прикидывая что-то, а потом выдал:

– Даже при условии полной голодовки, ходьбы пешком и одевания в мешки от картошки в течение всех этих лет, максимум что ты имела бы, это «хрущоба» на окраине, а то и вовсе за городом, где-нибудь в Ершовке. И ездила бы не на «крузере», а на «Жигулях», да и то если очень повезло бы.

Марина приподнялась и внимательно посмотрела ему в лицо. Серые глаза Волошина были насмешливо прищурены, а крылья носа чуть подрагивали.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ничего. Только то, что врешь ты очень бездарно. Даже стыдно слушать.

Он сказал это спокойно, но Марина прекрасно видела, насколько неприятна ему мучающая догадка.

– Ты что же, думаешь, что я сплю с мужчинами за деньги? – тихо спросила Коваль.

– А ты хочешь убедить меня в обратном? – так же тихо произнес он.

– Ну, понятно! – она встала с постели и взяла валяющийся на пуфе у зеркала халат. Шелк был неприятно холодным, и Марина поежилась. Повернувшись к лежащему Федору, зло бросила:

– Господи, я-то решила, что ты не так примитивен, как остальные! Почему, если женщина молода, привлекательна и независима, то она непременно шлюха?

– Заметь, я этого не говорил, ты сказала! Посмотри на ситуацию моими глазами, – предложил он. – Красивая, молодая девица на джипе бьет мою развалюху. Без тени сомнения предлагает пятьсот «гринов». Потом тащит незнакомого мужика в дорожный ресторан – еще баксов триста. Дальше вообще чудеса – она везет его в квартиру в крутейшем районе, ложится с ним в постель... Улавливаешь ход моих мыслей?

– Что, подсчитываешь, хватит ли денег расплатиться со мной за услуги? – усмехнулась Марина.

– Это еще вопрос, кто кому должен! – подмигнул Федор.

Она захохотала, сразу перестав злиться, упала на постель и принялась целовать его смеющееся лицо. Проводя пальцами по выбритой голове, получала почти эротическое наслаждение.

– Больше не злишься? – спросил Федор, когда она наконец отстала.

– Уже нет. Но прошу тебя, поверь, что деньги я действительно получаю за работу по профессии.

– Кстати, хотел еще одну вещь узнать – что за шрам у тебя под татуировкой?

Вот это наблюдательность! Скачущий козерог на крестце был призван шрам скрывать, а никак не демонстрировать.

– Это ожог, – неохотно объяснила Коваль.

– Странное место для ожога, – заметил Федор, поворачивая ее и задирая халат. – Чем так можно обжечься?

– Сигаретой.

– Не понял...

– Что непонятного?! – заорала Марина, вскакивая с постели. – Любовник воплотил эротическую фантазию и затушил об меня сигарету, ясно?! Вот такой он у меня странный парень! Хочешь, еще кое-что покажу? – она сорвала с себя халат и показала пять тонких, почти уже незаметных шрамов вокруг левого соска. – Это бритвой, неглубоко, чтобы швы не накладывать. Потом сидел и облизывал меня, вся морда в крови, а он только ухмылялся...

При воспоминании об этом она содрогнулась, переживая весь кошмар заново – эти движения языка по кровоточащей груди, лицо Нисевича, выражавшее высшее наслаждение...

Федор крепко прижал ее к себе, словно хотел уберечь от жутких воспоминаний. Марина жалко всхлипнула. Никто не знал об этих «забавах» с Денисом, да и не поверил бы никто. Благополучный семьянин Нисевич и надменная, холодная и неприступная стерва Марина Коваль – все это никак не вязалось с тем, чем он вынуждал ее заниматься. Кто поверил бы, что эта самая Коваль по первому требованию опускается на колени, открывая ярко накрашенный рот, ложится куда угодно – на стол, на пол, на подоконник... После того, как Денис порезал ей грудь, Марина два дня работала с температурой, глотая аспирин и антибиотики, ее тошнило от вида и запаха крови, а на следующем дежурстве снова пошла к нему... Это смахивало на маразм, помешательство, но отказаться Марина не могла, словно попав в рабство. Его глаза притягивали, как магнит, избавиться было невозможно... Выбираясь из постели, Коваль обретала способность нормально

соображать, подавляла Дениса, как и всех вокруг, своим высокомерием. Но по ночам все это возвращалось к ней бумерангом, и любовник мстил за дневные обиды, порой очень жестоко, причиняя физическую боль.

Федор неожиданно поднял ее с кровати, повел в душ и там, засунув под воду, сказал:

– Я вчера еще начал подозревать, что у тебя с головой не все ладно, но чтоб такое... Все, хватит реветь, говорил же, не выношу женских слез. Поедем в лес, погуляем, развеемся, а то от тебя с ума можно сойти.

Натягивая в гардеробной узкие синие джинсы, Марина подумала, что зря выложила Федору правду о своей личной жизни – ее заморочки касаются только ее, и больше никто их не поймет. Но, с другой стороны, так тяжело носить все в себе. Подруг у Марины никогда не было.

Когда она вышла из гардеробной, Федор тихо свистнул:

– Подружка, ты выглядишь просто сногшибательно! Какие ноги...

Марина повернулась, давая возможность рассмотреть остальное. Но он взял ее за руку и попросил:

– Не поворачивайся спиной, иначе никто никуда не поедет. Я никогда не вел себя так безрассудно, ты вынуждаешь меня терять голову.

Коваль потянула его к двери, заодно подзывая собаку. Пихнув пса на заднее сиденье джипа, они поехали к Федору, чтобы он наконец сменил свой камуфляж на гражданскую одежду. Жил он в той самой пресловутой Ершовке, на пятом этаже старой хрущевки. Квартира была уютная, но слегка запущенная, что не удивило женщину – человек не был дома полгода. Поразило другое – огромная коллекция холодного оружия. На одном из клинков Марина увидела бурые пятна. Кровь.

– Страшно? – спросил Федор, входя в комнату. Он переделал джинсы и кожаную куртку.

– Нет, – пожала она плечами. – Просто странно, всегда считала, что оружие держат чистым.

– Это другой случай. На лезвии кровь моего врага, я убил его этим клинком.

– Зачем?

– Хороший вопрос! – жестко процедил Федор. – Очень женский.

– Почему женский? – удивилась Марина.

– Потому что женщины понятия не имеют о дружбе и долге. Я сделал то, что был должен, – отомстил за друга. Его зарезали в плену, я нашел того, кто это сделал. Вот так. Вернулся домой, в запой упал на два месяца, чуть со службы не поперли. Когда опомнился – ужаснулся, на что стал похож: заросшее животное с мутным взглядом, плохо соображающее, что делать дальше, как жить... Сдался в госпиталь, из запоя вышел, нервы подлечил. И снова воюю.

Коваль молчала. Кошмар какой – так буднично рассказывает, что зарезал человека... Верно говорят, что у военных меняется восприятие жизни, отношение к смерти, к своей и, особенно, к чужой. Словно поймав ее мысль, Федор вздохнул:

– Убить человека легко, Маринка. Гораздо сложнее собаку, курицу... А человека – раз, и все дела...

– Я это знаю, Федя. В моих руках постоянно чьи-то жизни. Один неверный жест, чуть больший нажим на скальпель – и все.

– Если ты понимаешь, что жизнь бесценна, почему позволяешь какому-то ублюдку играть со своей? – жестко спросил Федор.

– Не надо, пожалуйста! Я не хочу больше это обсуждать.

– Надо! – отрезал он. – Я не позволю тебе делать этого, никогда, слышишь? С этой минуты я буду рядом с тобой, днем и ночью. И никто не посмеет коснуться тебя даже пальцем.

– Приступ жалости или угрызения совести? Не нуждаюсь! – Марина надменно вскинула голову и смерила непрошеного защитника взглядом.

– Глупая ты, – улыбнулся он. – При чем тут жалость? Тебе не приходило в голову, что я мог влюбиться?

– Ну, ты сказал! В меня, что ли?! В меня? Ты мазохист или просто чокнутый?

Марина искренне хохотала, не допуская даже мысли о том, что это все может быть всерьез. Нисевич давно убедил ее в том, что она не может вызвать у мужчины ничего, кроме животной страсти и похоти.

– Смейся! Это лучше, чем плакать.

Федор положил руки на ее плечи и подтолкнул к двери:

– Поедем гулять, успеем наговориться – вся жизнь впереди.

За руль Марина села сама, хотя Федор сначала возражал. Выехав из города на трассу, она поддала газу, собираясь показать ему, кроме лихой езды, свое любимое место прогулок – большую поляну среди леса, километрах в двадцати от дороги. Федор курил, приоткрыв окно, думал о чем-то. Марина включила кассету с блатным шансоном – в машине всегда только такую музыку и слушала. Блатные песни расслабляли. Волошин хмыкнул, но ничего не сказал.

– Тормози уже, хватит кататься, – велел он через какое-то время, положив свою руку поверх ее, сжимавшей руль.

– А мы и так приехали.

Выпустив Клауса, Коваль размяла ноги, потянулась всем телом. Светило яркое солнце, земля была укрыта желтыми листьями, по ним носился ошалевший от счастья пес. Из багажника Марина достала его любимую игрушку – резиновую милицейскую дубинку. Федор забрал ее и закинул подальше. Клаус радостно залаял и бросился искать, а они, обнявшись, побрели следом.

– Маринка, вот ты спросила, как выглядишь, а я думаю – а я-то как? Форменный альфонс! Запал на обеспеченную одинокую девушку, да еще и в любовники навязываюсь! – выдал вдруг Федор.

Ей стало смешно, об этом она как-то не подумала.

– И правда! – притворно ужаснулась Марина, слегка отстраняясь, вроде бы в испуге. – Одна проблема у тебя – я недостаточно стара, чтобы быстренько умереть, завещав тебе все, что есть. Вся надежда на то, что меня грохнет любовник во время очередного полового эксперимента!

– Не шути этим, прошу тебя! – Федор крепко прижал ее к себе, и больше Коваль не поднимала эту тему, чувствуя, что ему неприятно.

Возвращаясь через час к машине, они услышали злобный лай Клауса. Марина посвистела, но пес не замолкал. Выбравшись из-за деревьев, они с Федором увидели два здоровых «Рэндж Ровера», блокировавших ее джип впереди и сзади. Возле одного из них стоял огромный, бритый наголо амбал в кожаной куртке. На него-то и брехал Клаус. У Коваль все похолодело – это были братки Мастифа. Амбал отделился от машины, приближаясь:

– День добрый, Марина Викторовна! Еле отыскали вас.

– Что надо? – не совсем любезно поинтересовалась Марина, заранее зная ответ.

– У Мастифа приболел племянник, он просит вас посмотреть его. Поехали.

– Куда? – напрягся Федор, не выпуская ее руку.

– Феденька, не волнуйся, пожалуйста, – заговорила Марина, заглядывая в серые глаза. – Это... по работе, ненадолго, правда! Отвези Клауса домой и дождись меня, если не трудно. Я очень тебя прошу! Мне действительно нужно ехать.

Она сунула ему ключи от джипа и от квартиры, поцеловала в плотно сжатые губы и пошла к «Рэндж Роверу». Рядом с ней на сиденье приземлился амбал, хлопнул дверкой.

– Погнали, Череп!

Череп, высокий темноволосый парень со зверской физиономией, изуродованной шрамом через левую щеку, повернулся к пассажирке:

– Здравствуйте, Марина Викторовна! Как всегда прекрасны!

Коваль не удостоила его ответом. Машины рванули с места, набирая скорость.

– Что, это так срочно? – недовольно осведомилась Марина, закуривая.

– А что, помешали? – хохотнул второй амбал. – Мужик какой-то новый, а, Марина Викторовна? Как в койке-то, порядок? А то, может, на меня сменяете? Я бы со всей страстью...

– Слушай, Боцман, заткнись, будь добр! – отрезала она. – Иначе хозяину слова твои передам.

Но он не отступал, прижимая ее к сиденью и пытаясь залезть рукой под куртку:

– Зря вы так со мной, я парень ласковый, горячий...

Из-за руля повернулся Череп:

– Остынь. Мاستиф предупредил, чтобы не трогал ее никто.

– Ты рули давай, не оглядывайся! – огрызнулся Боцман, продолжая тискать Марину, и тогда она просто приложила к его щеке сигарету. Он заорал и с размаху ударил женщину по лицу, разбив губу.

– Ах ты, сучка! Думаешь, если у Мастифа в фаворе, можешь делать, что хочешь? Да я тебя сейчас через всю свою бригаду пропущу, а их человек сорок, будет, что детям рассказать. Если встанешь!

– Боцман, это ты зря, – лениво протянул Череп. – Мастифу это не понравится. Придется ответить.

– Отвечу, не бойся! – ощерился тот. – Сука, морду сожгла! Тебе бы так, узнала бы...

– Успокойся, знаю! – огрызнулась Марина, вытирая кровь, текущую из разбитой губы.

Они подъехали к особняку Мاستифа в коттеджном поселке «Березовая роща», где их уже встречали. Хозяин лично стоял на крыльце, озабоченно глядя на подъехавшие машины. Марина вышла и направилась к нему. Невысокий, суховатый, лысый старик раскинул руки, как будто увидел родню.

– Мариночка, все хорошеете, даже неприлично! – воскликнул он, обнимая ее. Каждый раз после этих объятий у Коваль возникало ощущение, что к ней прикасалась жаба...

Мастиф заметил разбитую губу. Переведя взгляд на Боцмана, уловил и причину. Глаза его сузились, он негромко протянул:

– Что, я как-то плохо объяснил? Кто позволил тебе, урод, касаться своими грабками этой женщины?

– Мастиф, она мне в морду сигаретой ткнула, – пробормотал Боцман, глядя под ноги.

– А надо было в глаз, гнида! – заорал Мастиф. – Опять, падла, руки распустил? – он винтом слетел с крыльца, несмотря на свои преклонные годы, и, коротко размахнувшись, ударил Боцмана в солнечное сплетение. Тот согнулся.

– В карцер! – бросил Мастиф охране, а сам приобнял Марину за плечи, увлекая в дом. – Ради всего святого, Марина, извините меня за этого козла, он будет наказан.

Она вздохнула.

– Что у вас случилось?

– Племянник сцепился на рынке с черными, подкололи его. Заштопаете?

– А у меня есть выбор? – пожала Коваль плечами, входя в огромную спальню.

– Нет, – улыбнулся Мاستиф, подавая ей синий одноразовый халат. – Набор на столе, где ванная, думаю, помните. Не буду мешать.

Он вышел, а Марина направилась мыть руки.

Племяннику было лет шестнадцать, очень красивый мальчишка, только бледный от кровопотери и шока. Бегло осмотрев рану, Коваль быстро написала на листке названия лекарств, которые понадобятся, и вынесла в холл, где в кресле курил озабоченный дядюшка.

Ему было, чем озаботиться, – это не просто залетные рыночные торгаши подрезали племянника криминального авторитета. Один из них, прихваченный гулявшими с Ильей братками и запертый в подвал под гаражом, признался, что является родным братом Рифата – того самого несостоявшегося владельца кирпичного завода, которого Мастиф «приговорил» несколько месяцев назад. Завода тоже уже не существовало – на его месте оперативно возводился новый ночной клуб.

– Пошлите кого-нибудь в аптеку, – Марина коснулась плеча старика, выведя того из задумчивого состояния.

– Хорошо. Как он? – лицо Мастифа выражало искреннюю заботу о здоровье юноши.

– Пока не знаю.

Рана оказалась глубокой, хорошо еще, что печень не задета. Наложив швы и поставив капельницу, Марина вышла к Мастифу:

– Все хорошо, он спит. Через три дня пришлите за мной, я посмотрю.

Пора было убираться отсюда, да побыстрее. Она всегда предпочитала не задерживаться в этом доме.

– Вас отвезут, Марина.

Мастиф опять обнял ее, сунув в карман куртки конверт с деньгами. Все, как всегда. У крыльца ждал зеленый «Рэндж Ровер», и Марина по привычке села назад.

– Вас домой? – спросил Череп, выезжая из ворот.

– Да.

Она закрыла глаза, стараясь расслабиться – дома ждал непростой разговор.

В окнах ее квартиры горел свет. Надо же, остался, отметила Марина с удивлением и облегчением. Мысль о пустой квартире была невыносима. Дверь открыл Волошин в одних джинсах, лицо было мрачным, глаза – холодными.

– Нагулялась?

– Не исполняй роль ревнивого мужа! – попросила она. – Я очень устала, оперировала, помоги мне раздеться, если не трудно.

Он стянул с ее ног сапоги, помог сбросить куртку. Марина легла на диван, закрыла глаза – эти визиты выматывали больше морально, чем физически, даже к деньгам она не хотела прикасаться, словно не за работу их получала, а за что-то другое... Федор сел рядом и поинтересовался:

– Может, объяснишь, что это было?

– А это и есть тот самый источник дохода, о котором ты спрашивал. Теперь знаешь, – ответила она, не открывая глаз.

– Кто – эти бандюки? И что за дела у тебя с ними?

– Я их лечу.

– Ну да, а я тогда Красная Шапочка! – усмехнулся он.

– Можешь не верить.

– А прекратить так зарабатывать ты не можешь? – вдруг попросил Федор, беря ее за руку. – Ведь это опасно, ты понимаешь? Что за мания у тебя играть со смертью?

– Федя, я не могу. От них не уходят просто потому, что надоело. Если Мاستиф сочтет нужным, то отпустит меня, но, скорее всего, этого не произойдет, – устало проговорила Марина.

– Весело! – протянул Федор. – А если я попробую помочь?

– Ты? Чем? Погоны покажешь?

– Подружка, я все-таки командир отдельного отряда спецназа ГРУ.

– Ни фиги себе! – присвистнула она, открывая глаза и садясь. – Мало того, что ты отлично трахаешься, так ты еще и большой начальник!

– Опять шутки шутишь? – мрачно спросил Федор. – Я серьезно предлагаю.

– Что, произвести штурм особняка Мастифа? Феденька, родной, это пустой разговор, хотя мне очень приятна твоя забота. А вообще ты слишком много узнал обо мне. Придется тебя убить! – пошутила Коваль.

– Да уж! – откликнулся он. – Ты страшная женщина. Красивая, умная, независимая, любишь грубый секс на грани садомазо, с бандюками дружбу водишь... Куда бедному спецназовцу!

– Поправь меня, если ошибаюсь, но не бедный ли спецназовец ночью замучил меня чуть не до полусмерти?

– Чувствую, ты не откажешься повторить! – прорычал Федор, хватая ее на руки и унося в спальню.

Он остался у нее, опять доведя до полного изнеможения. Он чувствовал Марину кожей, доставляя ни с чем не сравнимое удовольствие. Все воскресенье они провели в постели, прерываясь только на еду и сигареты.

– В Камасутре еще осталось что-то, чего ты не сделал со мной? – поинтересовалась Коваль в очередной перерыв.

– А черт его знает! – отозвался Федор. – Счастье еще, что я не женат, иначе жене только ошметки достались бы.

– Вот отсюда поподробнее, – попросила она с интересом, так как все эти дни хотела и не решалась задать подобный вопрос. – Почему не женат? И не был?

– Молодым не успел, а теперь требования повысились.

– Ого! – понимающе протянула Марина. – Не соответствует никто?

– Почему? Ты вот вполне подходишь, – совершенно серьезно сказал Федор, поглаживая ее плечо.

Она повернулась на живот и уперлась подбородком ему в грудь. Волошин лежал, прикрыв глаза, в правой руке, закинутой за голову, дымилась сигарета. Марину вдруг посетила безумная мысль – а что, если и правда выйти за него замуж? Сменить работу, не видеть больше Дениса, не связываться с Мاستифом, послать всех далеко и красиво? Это решило бы ее проблемы. Зато у Федора их здорово прибавилось бы...

– Что ты молчишь? – спросил он, затягиваясь сигаретой.

– А что я должна сказать?

– Что согласна.

– Согласна на что? – удивление ее росло с каждой секундой.

– Жить со мной, спать со мной, ждать меня отовсюду. Я хочу заботиться о тебе, любить и видеть тебя рядом каждый день.

Он смотрел ей в глаза, ожидая ответа. Что можно было сказать? Конечно, Марине очень хотелось быть с ним, она готова была не то что ждать – на коленях за ним ползти. Вот только что он будет делать с ее тяжелым характером, издерганными нервами, с весьма странными и специфическими привычками, с ее прошлым и настоящим? Его голос вернул к действительности:

– Я не требую немедленного ответа, но ты подумай.

...Марина давно уже не спала так спокойно, без изматывающих кошмаров. Руки Федора, всю ночь обнимавшие ее, словно закрыли от проблем и неприятностей.

Утром, собираясь на работу, Марина с замиранием сердца спросила у Федора, чем он собирается заняться.

– Сейчас отвезу тебя, потом надо что-то решить с моей машиной.

– Возьми мою пока, – предложила она не раздумывая.

– Опять пускаешь пыль в глаза? – засмеялся Федор. – А вдруг слиняю на твоей машине и... продам по спекулятивной цене?

– Да ее и даром никто не возьмет! – фыркнула Коваль и неожиданно для себя попросила: – Только не уходи. Не бросай меня, пожалуйста...

Федор присел перед ней, помогая натянуть сапоги, и, глядя снизу вверх, сказал:

– Даже не мечтай. Во сколько ты заканчиваешь?

– В три.

– Понял, заеду.

Он привез ее к больнице, долго не выпускал, покрывая лицо жадными поцелуями, а потом попросил:

– Постарайся не делать глупостей, хорошо? Попробуй хоть раз жестко сказать «нет». Увидишь, это сработает.

Марина кивнула и побежала в отделение, чувствуя, что очень сильно задержалась, да что там – просто опоздала. Коллектив пребывал в легком замешательстве – Коваль не пришла на утреннюю отделенческую планерку! Нонсенс!

– Вы здоровы, Марина Викторовна? – заботливо спросил Гринев, шагая рядом с ней в актовый зал.

– Да, все в порядке.

– Что-то вы бледная...

– Это от освещения! – пресекла она дальнейшие расспросы. Ей-богу, мужики иной раз хуже женщин могут достать!

Ей пришлось собрать волю в кулак и не отвечать на призывные взгляды Нисевича, бросаемые в ее сторону всю планерку. По окончании Марина просто удрала к себе.

Работая в перевязочной, она все время отвлекалась на медсестру Аню, то и дело разглядывавшую что-то на своей заведующей, хотя обычно девушка глаз лишний раз на нее не поднимала, чтобы не нарваться на едкое замечание.

– Аня, у меня что, глаза размазались?

– Нет, Марина Викторовна, просто вы какая-то другая сегодня, – смутилась та.

– Что, ору меньше обычного? Так еще не вечер!

– И это тоже, но еще у вас глаза светятся как-то...

– Не выдумывайте, Аня, – сказала Коваль, выходя из перевязочной. – Лучше на работе сосредоточьтесь.

Марина допивала кофе, когда в ее кабинет влетел Денис.

– Ты что себе позволяешь?! – заорал он. – Кто дал тебе право игнорировать меня? И что за хрен уехал на твоей тачке?

– Что еще ты хочешь узнать? – холодно поинтересовалась Марина.

– Не крути хвостом, Коваль, отвечай! – велел Денис, стараясь поймать ее взгляд.

– Я не обязана удовлетворять твое любопытство! Все, можешь быть свободен, – отрезала Марина, пряча глаза и понимая, что только грубостью она сможет заставить его уйти.

– Сейчас ты не только любопытство мое, но и меня удовлетворять будешь, – прошипел он, доставая из кармана тонкий кожаный ремень. Началось все-таки! – Я повторяю вопрос: кто это был? – Он с размаху хлестанул по столу, и Марина в испуге вздрогнула.

Его расчет был верным – кричать она не станет, а через дубовую дверь звук ударов не слышен.

– Денис, не надо, – попросила Коваль, глядя на ремень с ужасом.

– Я не слышу! – снова удар по столу.

– Знакомый.

– Не ври, у тебя нет таких знакомых! Кто это?

– Денис, я устала...

– Конечно, – перебил он, подсакивая и хватая ее за горло. – Конечно, устала – посмотри на себя – тебя же трахали все выходные, просто не вынимая! Я же так хорошо знаю этот взгляд кошки, обожравшейся сметаной! Говори, сучка, это он тебя так отделал? Ну?!

– Отпусти, – прохрипела Марина. – Да, он! Все, доволен теперь?

Денис убрал руки и переспросил, точно не понял:

– Он?!

Она растирала горло, думая, что же теперь будет дальше. А дальше он со всей дури вытянул ее ремнем, попав по плечу. Боль была такая, что у Марины потекли слезы. Она подняла на Дениса глаза:

– Пожалуйста, не надо больше... Я прошу тебя, Денис, не надо, я больше не могу...

Но он уже разошелся. Ей хорошо было знакомо это состояние – такое бывало нечасто, но тогда Денис становился неуправляемым и жестоким. И останавливал его только вид крови. Это давало ему ощущение полной власти над ее телом, чего он и добивался – чтобы такая обычно неприступная и надменная красotka валялась у него в ногах, истекая кровью и умоляя не делать ничего больше. Тогда он менял гнев на милость и с удовольствием занимался любовью, хотя Марина к тому времени больше походила на растерзанную куклу. В остальное время Денис Нисевич был вполне нормален, как любой другой мужик. Даже нежен и внимателен иногда. Но эти припадки садизма... Коваль почему-то была уверена, что он мстит ей за то, что она – такая, какая есть.

Нисевич всегда выбирал время, когда гарантированно никто не помешает, а насчет слышимости в кабинете можно было не беспокоиться. Во-первых, дубовая дверь, а во-вторых, он находился в самом конце отделения, рядом с запасным выходом. Кроме того, Марина никогда не закричала бы, не позвала бы на помощь, и Денис прекрасно это знал. Ее репутация и гордость не позволили бы посвятить кого-то в свои дела. Но и сам Нисевич старался делать все так, чтобы не наносить видимых увечий и следов, никогда не прикасался к лицу.

Вот и сейчас он провел пальцами по Марининой щеке, губам, стер слезы, выкатившиеся из глаз, поцеловал почти нежно... За руку вытащил из-за стола и опустил на пол. Она знала, что сейчас лучше не сопротивляться, иначе будет больнее и дольше. Нужно просто молчать и терпеть... Он начал лупить ее ремнем что есть силы, не жалея. Марина закусила губу и терпела, а Денис разошелся не на шутку. Белый врачебный халат на жертве мешал ему

наслаждаться садистской «процедурой» в полной мере. Поэтому он сдернул его с Марины и отшвырнул, как тряпку. Увидел красное белье, усмехнулся:

– Что, твой новый, как бык, на красное западает?

Не дожидаясь ответа, снова взялся за ремень. Терпеть стало невозможно, Марина застонала.

– Да, давай, попроси меня, и я перестану, – говорил Денис, замахиваясь и опуская ремень на ее спину снова и снова. – Попроси, я сразу брошу. Ну, что же ты, Коваль, не молчи.

Но у нее словно перегорел предохранитель – она знала, что любовник ждет только одного-единственного слова, и все это сразу же закончится, но молчала. От боли уже заходило сердце, но она не издавала ни звука. Нисевич злился – Марина ломала ему кайф. Поняв, что не добьется желаемого, он отбросил ремень.

– Вставай! Испортила все, – недовольно поморщился он. – Что с тобой сегодня?

Он поднял ее голову, заглядывая в глаза:

– Ну, что ты?

Марина попыталась встать. Все тело стало сплошным сгустком боли, спина горела, как кипятком обваренная.

– Уходи, – прошептала она. – Пожалуйста, уходи, я не могу видеть тебя...

– Что-то я перестарался сегодня, – заметил Денис. – Больно?

– Нет. Уходи.

– Не ври, Коваль! – произнес он, садясь в ее кресло и закуривая. – Тебе больно, у тебя спина кровоточит. Но ты, сучка, не признаешься, чтобы мне удовольствия не доставить.

– Денис, – проговорила Марина, поднимаясь наконец с пола. – Я очень прошу – уйди. Мне не больно и не плохо, мне никак. Я устала, я больше не хочу тебя, понимаешь? Я боюсь, что однажды ты просто убьешь меня. Мне никогда не нравились твои причуды, но я терпела. А теперь – все, не могу больше, силы кончились. Финиш.

Она тоже взяла сигарету, щелкнула зажигалкой, накинула халат, мгновенно прилипший к иссеченной спине, и невольно поморщилась.

– Что, все-таки больно? – заметил Нисевич.

– Нет.

– Так и не скажешь, кто драл тебя все выходные?

– Ты слышал. Это моя жизнь, я свободная женщина и сплю, с кем захочу, – отрубила Коваль, затягиваясь сигаретой.

– Нет, Коваль! – засмеялся Денис. – Не свободная ты, и спать будешь со мной, только я могу дать тебе то, что нужно. Ведь ты любишь мои игры, пусть не все, но любишь, иначе не позволяла бы.

Он грубо схватил ее за руку и притянул к себе, сдирая лифчик.

– Вот мои следы, – он водил пальцем по левой груди, заставляя Марину вздрагивать. – Ты никогда не разрешила бы, если б сама не хотела.

– Убери руки, – зашипела она, вырываясь. – Ты изуродовал меня, пришлось татуировку делать, чтобы скрыть сигаретный ожог. Ты болен, Денис, признайся в этом хотя бы себе! Я не стану больше терпеть твои извращенные фантазии, я гожусь для чего-то лучшего.

– Ну, конечно, трахаться с этим лысым хреном ты годишься! – огрызнулся Нисевич, вставая. – А он, если вдруг узнает о твоих причудах, рванет от тебя со скоростью курьерского поезда! Кому нужна такая...

– Успокойся, он знает, – перебила Марина с некоторым даже торжеством. – И его это не волнует. Потому что ему нужна я, а не мое отдельно взятое тело, умеющее отлично и с выдумкой трахаться.

– Не тело, говоришь? А что же еще? Вся ты – это пара сладких сисек и упругий зад, ничего больше у тебя и нет. Так что не обольщайся сильно на свой счет. Все и всегда только это в тебе и будут ценить, дорогая моя Марина Викторовна! Так что не верти хвостом.

– Да пошел ты на хрен! – заорала Коваль, не сдержавшись, и это было ее роковой ошибкой...

– Ну уж нет, теперь я точно не уйду, пока не получу того, за чем пришел! Ты всегда думаешь только о себе и никогда – обо мне. У меня нет ничего, кроме этих ночей с тобой. А ты вдруг решила и это отнять? Иди ко мне, иначе будет хуже! – пригрозил Денис, раздеваясь и ложась на диван. – Ну, что замерла?

– Я не пойду.

– Хочешь, я покажу тебе, как ты не права? Еще пара секунд, и ты пожалеешь, что упиралась. Ведь ты же меня знаешь!

Марина прекрасно знала, что он имеет в виду, но ее вдруг понесло, и она потеряла остатки осторожности:

– Я же сказала, что ты больше не тронешь меня!

Денис пулей слетел с дивана и с размаху ударил ее по лицу. Марина обмякла в его руках, и начался кошмар... Потом ей говорили – еще повезло, что быстро потеряла сознание и Денис утратил интерес к безжизненному телу.

Когда санитарка, пришедшая мыть полы, не смогла открыть дверь кабинета, а телефон не отвечал, в отделении поднялась паника. Доктора, почуяв неладное, сломали замок. Картина им предстала еще та – их стерва-заведующая лежала на полу в луже крови, в разодранном в клочья белье, иссеченная и изрезанная, со следами сигаретных ожогов. Только ноги и руки не пострадали. Прибежавшие

медсестры подняли такой крик, что Коваль очнулась, окинув собравшихся непонимающим взглядом. Над ней склонился Виталя Арбузов:

– Марина Викторовна, кто это сделал?

Она молча закрыла глаза. Вот то, чего она так боялась – не может она назвать имени, никто не заставит ее сделать этого, Денис сможет спать спокойно.

Марину увезли в перевязочную, где хирурги долго обрабатывали раны, накладывая швы и повязки. Она теряла сознание от боли, орала не своим голосом...

В отдельной палате хирургического отделения вечером ее навестил милиционер, но Марина не стала писать заявление, сославшись на то, что не разглядела напавшего. А совсем уж ближе к ночи приехал Федор, остановился на пороге палаты, не решаясь войти.

– Привет, – произнесла Коваль опухшими губами.

– Привет. К тебе можно?

– Доступ к телу свободный, – пошутила она, хотя больше всего хотелось заплакать.

Он сел на табуретку и взял Маринину руку в свои.

– Что случилось? Я тебя потерял, думал, что дежурить осталась. А потом позвонил, сказали, что ты в хирургии лежишь. Что у тебя с губами?

– А хочешь, покажу, что у меня со всем остальным?

С этими словами она откинула простыню, и ему открылось ее тело, местами заклеенное, местами просто обработанное зеленкой. Федор в ужасе оглядел все это «великолепие» и выдохнул:

– Я же просил тебя... Очень больно?

– Уже нет.

– Это, как я понимаю, твой доктор приласкал тебя излишне горячо? – мрачно поинтересовался он.

– Это уже не важно. Нет, не уходи, не оставляй меня, – взмолилась Марина, видя, что он собрался встать. – Я понимаю, что прикасаться ко мне сейчас тебе противно, но ты просто посиди рядом...

– Дурочка ты, – улыбнулся он. – Как мне может быть противно, ведь я люблю тебя.

Это было сказано так просто, словно они уже прожили вместе долгие годы.

– Не шути этим, ладно? – попросила она тихо и серьезно.

– А я и не шучу. Все твои завихрения не смогут изменить моего отношения. Ты нужна мне любая, даже такая, как сейчас.

Вдруг дверь палаты задергалась.

– Открой, – попросила Марина, и Федор отомкнул замок.

В тот же миг в палату ввалились четверо амбалов, а за ними Мاستиф собственной персоной. Один из охранников попытался прижать Федора лицом к стене, но тот неуловимым жестом вывернул ему руку, заставив упасть на колени. Остальные немедленно выхватили оружие.

– Тихо, мальчики! – недовольно поморщился Мастиф. – Спокойнее, без грубости – здесь женщина! И вы, юноша, остыньте и отпустите моего охранника, он погорячился.

Федор выпустил руку парня, тот встал, бросив в его сторону недобрый взгляд.

– Мариночка, как вы? Я очень волнуюсь... – начал было Мастиф, но потом бросил своим: – В коридоре подождите!

– Мاستиф, – неуверенно начал Череп, кивнув в сторону Федора. – А этот как же?

– Он останется. А вы – вон!

Охрана послушно ретировалась, а Мастиф продолжил:

– Дорогая моя, ну нельзя же так! Для чего тогда друзья? Один телефонный звонок решил бы ваши проблемы раз и навсегда!

– У меня нет проблем.

– Неправда, моя красавица! Я даже знаю, как зовут вашу проблему! Это ментов вы будете сказками потчевать, а меня не надо. Что, удивились? А ведь моя сестра работает с вами, между прочим. И вы регулярно даете ей нагоняй. Догадались?

А то! Ольга Борисовна, будь она неладна! Не зря Коваль терпеть ее не могла, вот от кого старый лис все о ней знает. Обложил по полной программе, не вырваться.

– Оля давно меня предупреждала об этом докторе, говорила, что после его визитов вы сама не своя бываете, нервничаете. Мне бы раньше подсуетиться, да не успел вот... Теперь с вами, молодой человек, – обратился он к Федору. – Предупреждаю – косяков не будет, обидеть Марину больше не позволю.

– Спасибо за предупреждение. В ответ позвольте и вам кое-что сообщить. Придется поискать замену, больше Марина на вас не работает, – спокойно сказал Федор, глядя Мастифу в глаза прямо и без всякого почтения.

– Даже так? – удивленно вздернул брови старый лис.

– Даже так, – подтвердил Федор.

– Что ж, я умею быть благодарным. Когда-то эта девочка спасла мне жизнь. Мне жаль расставаться с вами, Марина, да и нам всем будет вас не хватать. Но попомните мои слова – мы еще обязательно встретимся с вами, это судьба, моя дорогая. Поэтому я не прощаюсь. До встречи, Марина Викторовна.

– Не дай бог! – пробормотала Коваль себе под нос, когда дверь за ним закрылась. – Федька, как тебе удалось? Ведь он отпустил меня.

– У меня есть дар убеждения! – улыбнулся Волошин.

Марина попыталась повернуться на бок, и боль в изуродованном теле сразу вернула с небес на грешную землю.

– Черт побери, как мне пережить это? – пробормотала она со слезами в голосе. – Пометил меня, как корову или лошадь, чтоб не сбежала от хозяина...

– Не переживай, ты все равно лучше всех, – Федор осторожно поцеловал ее в разбитые губы, слегка провел по ним языком...

Внезапно он поднялся:

– Нет, все, пора идти, пока я не изнасиловал избитую женщину! Хотя... – прищурил он свои серые глаза. – ...ты не очень возражала бы, по-моему.

Марине стало смешно – Федор неплохо понял ее сущность: уж что-что, а секс всегда был ее слабостью, заниматься им она могла бесконечно...

– Куда ты пойдешь сейчас – ко мне домой или в Ершовку свою потащишься?

– А ты куда бы хотела? – лукаво спросил он.

– Ты знаешь...

– Вот туда и пойду. Там Клаус спятил, наверное, от одиночества. Завтра с утра приеду, жди. Надеюсь, за ночь ты не натворишь еще чего-нибудь такого?

– Мне сейчас укол вкатыт снотворный, и я отключусь, так что можешь не переживать. Поцелуешь еще раз?

– И еще не раз я тебя поцелую, только поправляйся скорее, – засмеялся Федор, нежно касаясь губами ее щеки.

Он уехал домой, а Марина, получив положенный укол, попыталась заснуть. Но в голову лезла всякая дребедень, да еще застряли намертво в памяти слова Мاستифа о судьбе и новой встрече. «Интересно, о чем это он, зачем ему я?» – рассуждала про себя Марина, пытаясь уснуть.

Как-то во время очередного ее визита к старому лису он вдруг заговорил с ней о том, что ее жизнь могла бы круто поменяться, если она согласилась бы на определенные жертвы. Марина тогда, грешным делом, решила, что он имеет в виду перспективу стать его любовницей. Поэтому вежливо так ответила, что ее жизнь вполне соответствует ее желаниям и возможностям, и менять ничего она не хочет. Мастиф только головой покачал, сказав, что она еще просто молода, чтобы понять, о чем он.

Его всегда расстраивало, что по воровским законам ему нельзя иметь семью, детей[1 - По старым воровским понятиям, настоящий «вор в законе» не мог иметь семью, детей, имущество, собственность, долго жить в одном месте. Это в начале 90-х годов более молодые «воры в законе» стали отходить от этого правила, стремясь организовать свою жизнь более комфортно. Однако «воры» старой формации до сих пор придерживаются прежних понятий и относятся к их нарушителям с пренебрежением, хотя смертью больше не карают. – Прим. авт.], а он так мечтал о дочери, что даже Марину иногда называл деточкой. Ее это просто из себя выводило, но перечить пахану она не решалась. Думая обо всем этом, Коваль даже не заметила, как уснула, провалилась в черную яму, забыв все свои заботы и проблемы.

Федор приехал к самому открытию больницы. Марина еще спала, когда он вошел, и первое, что она увидела, открыв глаза, было его лицо. Ей почему-то стало хорошо, спокойно. Но все испортил лечащий врач, бывший однокурсник Валерка Кулик, явившийся с утра пораньше делать перевязку.

– Привет, красавица! Как дела, ничего? Умница. А теперь давай раздевайся.

Вылепив это, Валерка покраснел и смутился:

– Кошмар, как прозвучало, как будто я тебя в койку тяну!

– Валера, я на все согласна, только не перевязывай меня, – взмолилась Марина, представив, что сейчас будет твориться. – Я не выдержу, мне и так больно...

– Не дури, Коваль! Ты ж сама хирург – как это «не перевязывай», ведь загноишься. Там и так ужас, а ты еще... Ложись, говорю. А вы в коридоре подождите, – обратился он к Федору. – У нас тут и так проблем хватит.

– Валера, пусть он со мной побудет, может, чуть полегче терпеть... Дай маску ему, пусть, а? – жалобно попросила Коваль, глядя на доктора несчастными глазами.

– А в обморок товарищ не грохнется? Там же сплошное мясо, – предупредил Валерка.

– Не бойтесь, доктор, я тренированный! – усмехнулся Федор, надел маску и сел в изголовье, крепко взяв Марину за руку.

Коваль зажмурилась изо всех сил, Валерка плеснул на ее грудь и живот фурациллин прямо из флакона, а потом пинцетом начал отдирать повязки. Марине было очень больно, она орала и плакала, Федор гладил ее по волосам и уговаривал:

– Потерпи, моя красавица, потерпи, я знаю, больно, но скоро пройдет. Не плачь, девочка моя... Доктор, а по-другому вы не можете? – раздраженно спросил он. – Что же по живому прямо, ей ведь и правда плохо.

– Было бы можно, так и делал бы по-другому! Коваль, он кто у тебя, врач?

– Нет, майор спецназа, – резко ответил Федор, – но даже я знаю, что от болевого шока умирают!

– Дорогой мой, – продолжая работать, заметил Валерка, – женщины в принципе менее восприимчивы к боли, если хотите знать. Вот вы на ее месте уже давно бы сознание потеряли, а она молодец. Ты же молодец, Коваль?

– Валерка, я тебя прошу, заканчивай скорее, иначе я правда скоро отключусь, – прошептала она, стараясь справиться с собой.

– Все, душа моя, ухожу уже. Баралгину хочешь? Я девчонкам скажу, чтоб поставили...

– Не надо, хуже не будет, – отказалась она, вытирая слезы.

Когда они остались в палате одни, Федор погладил ее по лицу и спросил с сочувствием:

– Как же ты вытерпела это все, Маринка? Бедная моя...

Она провела в больнице полтора месяца, вышла вся в шрамах и рубцах. «Марине от Дениса на долгую память...» Глядя на себя в зеркало, висевшее в ванной, разревелась от злости. Эти безобразные рубцы от ключиц и ниже ничем уже не замаскируешь, не спрячешь. Теперь вместо любимого эротического белья она обречена носить боди до горла. А бассейны, сауны и пляжи – вообще тема закрытая... Как же она допустила подобное, как позволила?.. Услышав рыдания, явился Федор, вытащил плачущую Марину из-под душа:

– Что происходит? По какому поводу слезы?

– Я – уродина, я никогда не смогу раздеться перед мужчиной, не надену декольтированного платья, я даже видеть себя в зеркале не могу...

Он резко размахнулся и ударом кулака разбил висящее над ванной зеркало. Осколки посыпались дождем. От неожиданности Коваль вздрогнула.

– Так, одну проблему решили. Дальше что по списку? Платье? Купим менее открытое. А насчет мужчин... Лично я готов смотреть на тебя сутками, понимаешь? Ты нужна мне любая, – спокойно сказал он, разглядывая глубокий порез на руке.

Достав из шкафчика аптечку, Марина залила рану перекисью, наложила повязку. Прижавшись к забинтованной руке щекой, спросила:

– Больно?

– Уже нет. А ты... не смей называть уродиной мою любимую женщину. Она, конечно, слегка чокнутая, но это ее совсем не портит. Ведь и люблю я тебя за то, что ты не такая, как другие.

Всю жизнь Коваль доставалось за эту непохожесть, неправильность, ее шпыняли за это в школе, в институте, на работе. «Коваль, ты не лучше остальных, не противопоставляй себя коллективу!» – любимая фраза классной руководительницы, произносимая по нескольку раз на дню, просто как заклинание. Что же делать, если ей никогда не нравилось то, что всем, если она не любила то, что любят остальные? Почему она должна была стать, как Иванова-Петрова-Сидорова? Она – Коваль! Сама себя сделала и гордилась этим фактом, как наивысшим достижением. И нашелся человек, которому именно странность ее приглянулась, то, что она – не домашняя синяя курица, а свободная хищная птица, хоть и с придурью. А кто без греха? Короче, Волошин сумел убедить свою любимую в том, что шрамы у нее не на теле, а в мозгах. Хочешь быть калекой – будь, сложи лапки и жалея себя в темном уголке, жалуйся на судьбу и жди смерти. А нет – так барахтайся, борись, и тогда все наладится. Умный он все-таки, Федор Волошин.

...Жизнь наладилась, насколько в Марининой ситуации это было возможно. На работе все делали вид, что ничего не произошло. Ну, напал какой-то урод, жива осталась – и ладно. Не осталась бы, так плакать бы не стали – одной стервой на свете меньше. Марина по-прежнему изводила подчиненных. Зато дома превращалась в пушистую ручную кошку, которая только и знает, что ласкается к хозяину. Все свободное время они проводили вместе, Федор окончательно перебрался к ней, и теперь Коваль всегда знала, что дома ждет не только собака.

...Как-то в начале декабря вдруг позвонил Мاستиф. Это было неожиданно. Его голос в трубке звучал весело:

– Здравствуйте, Марина! Как ваше здоровье?

– Спасибо, все в порядке.

– А я, дорогая, соскучился. Оказывается, я успел привязаться к вам, и теперь тоскую по-стариковски. Может, визитом обрадуете?

Это звучало как приказ. Господи, опять началось! Но Мاستиф уловил Маринину нерешительность и замешательство:

– Расслабьтесь, Марина, мне ничего не нужно, кроме как видеть вас. Соглашайтесь, сыграем в «американку». Через час Череп заедет.

– Не надо, я на своей машине.

– Все равно. Так жду!

Хорошенькое дело – сгонять за пятьдесят километров на партию в «американку» на ночь глядя! А потом до утра с Федькой объясняться, который к ее возвращению как раз подготовит все нужные вопросы... И выбора нет – надо тащиться в эту чертову «Березовую рощу», где одни бандюки живут.

Стоя в гардеробной, Марина прикидывала, что бы надеть, и остановилась на длинной узкой юбке с высоченным разрезом сбоку и белом пиджаке. Раньше под пиджак ничего не надевалось, но теперь грудь выглядела ужасно, и пришлось облачиться в черный кружевной комбидресс. Решив, что раз уж она на машине, то и в туфлях не замерзнет, Марина достала лаковые лодочки на высокой шпильке. Набросив белый норковый полушубок, спустилась во двор, где уже стоял рядом с ее джипом «Рэндж Ровер» мاستифовской охраны. Череп, сидящий за рулем, поморгал фарами и крикнул в открытое окно:

– За мной езжайте, Марина Викторовна!

Коваль села в джип, повернула ключ в замке зажигания, в душе моля бога, чтобы Федор вернулся как можно позже. Всю дорогу не выпускала изо рта сигареты, куря одну за одной. Сердце бешено колотилось в ожидании чего-то нехорошего, но опасность возбуждала. Чертов характер...

Затормозив у знакомых ворот, Марина перевела дух и постаралась немного успокоиться. К машине подошел Череп, открыл дверку и, критически оглядев Маринины туфли, подхватил ее на руки:

– Извините, Марина Викторовна, но иначе промокнете – все раскисло.

Действительно, прошел снег, а потом резко потеплело, все дорожки были в расквашенной скользкой грязи. Череп осторожно донес ее до крыльца, поставил, но от Марины не укрылся взгляд, которым он окинул ногу, открытую разрезом юбки почти до трусиков. И этот туда же!

Она вошла в особняк. По лестнице со второго этажа спустился Мاستиф в спортивном костюме, помог снять шубу, галантно поцеловал руку:

– Рад снова видеть вас такой же красивой, как прежде, Мариночка!

Сев в мягкое кресло у камина, Коваль вопросительно посмотрела на Мастифа:

– Что все это значит, Оскар Борисович? – она всегда называла его по имени-отчеству, ему нравилось подобное обращение.

– Зачем же во всем подвох искать, Марина? – покачал он лысой головой. – Я просто захотел увидеть вас.

Но Марина ему не поверила. Ничего «просто» Мастиф не делал, не думал и не говорил.

– Шампанское? – предложил он.

– Нет, лучше коньяку. Только совсем немного, я ведь все-таки за рулем, – как можно непринужденнее улыбнулась она. Коньяк должен был помочь расслабиться. – И, если можно, сигарету.

– Пока ждем, может, расскажете старику, как там ваш молодой резвый друг? – нажав кнопку звонка, попросил Мастиф. – Все хорошо?

– Да, спасибо.

– Я очень рад за вас, Марина. Он производит впечатление очень надежного человека. А вам, с вашим-то характером, нужна твердая мужская рука.

После столь высокопарной речи циничная Коваль чуть не зарыдала от умиления – старый уголовник играл в заботливого папашу, наставляющего дочь на путь

истинный. Полный восторг!

На пороге каминной кто-то появился. Марина повернула голову и вцепилась пальцами в подлокотники кресла так, что побелели костяшки – это был Денис Нисевич. Он стоял в дверях с подносом в руках...

Голова у Коваль закружилась. Она почувствовала, что вот-вот потеряет сознание.

– Успокойтесь, Мариночка, – произнес Мاستиф, поглаживая ее руку. – В моем доме вам ничего не угрожает, даже этот ублюдок. Что замер, как целка перед брачным ложем? – бросил он Денису. – Ближе подойди!

Судя по тону, Нисевич тут явно не любимец публики, решила Марина, взяв себя в руки. Тем временем Денис, прихрамывая на правую ногу, подошел к столу, опустил поднос, налил коньяк в рюмки. Коваль взяла сигарету, и он тут же поднес зажигалку.

Покуривая, Марина с интересом рассматривала бывшего любовника. Вот, значит, куда он исчез после всего, что сотворил с ней в ту ночь... А по больнице ходили упорные слухи, что уехал. Он похудел, сгорбился, словно старался сделаться менее заметным, в черных глазах застыл страх. Да, не орел, каким был всего три месяца назад, потрепала жизнь...

Затянувшуюся паузу прервал Мастиф:

– Вот, Мариночка, вместо вас теперь мальчиков моих лечит. Заодно и по дому помогает.

– Что ж, он хороший врач, – пожала она плечами, отпивая коньяк.

– И это все, что вы скажете? – удивился Мастиф.

– А что еще?

– Как? Даже не хотите ему ничего предъявить?

– Нет.

– Странно. Я думал, вы обрадуетесь возможности как-то облегчить свою душевную боль...

Марина усмехнулась, глядя в глаза Мاستифа:

– Что же, Оскар Борисович, я должна взять бритву и отрезать ему что-нибудь лишнее?

Мастиф захохотал, поднимая свою рюмку:

– За вас, дорогая! И все же я настаиваю, чтобы вы поговорили. Это своеобразная награда за его труд. Он ничего не просил, кроме возможности увидеть вас, Марина. Не бойтесь, за дверью сидят Череп и Кабан. Если что... – он выразительно посмотрел на Дениса, и тот съежился. Видимо, хорошо был с ними знаком.

Мастиф вышел, и воцарилось молчание. Марина невозмутимо курила, уже совершенно владея собой. Это опять была сука-стерва Коваль.

– Что, так и будешь стоять, как официант? – поинтересовалась она. – Садись, раз уж это ты хотел меня видеть. Я-то обошлась бы, как ты понимаешь.

Опустившись в кресло, он смотрел на бывшую любовницу глазами долго битой собаки, которую хозяин неожиданно пустил в дом и даже решил накормить.

– Какая ты красивая, Коваль! – хрипло проговорил Денис. – Ты стала еще лучше, чем была.

– Это все, что ты хотел мне сказать? – она сделала очередной глоток коньяка.

– Прости меня, если можешь...

Он попытался встать на колени. Но правое колено не гнулось, и это все выглядело нелепо и жалко.

– Встань, – брезгливо поморщилась Марина. – Что за неистребимая любовь к дешевым мелодрамам, я это ненавижу. Что у тебя с ногой?

– Череп раздробил мне коленную чашечку бейсбольной битой, – криво усмехнулся Нисевич. – Только две недели, как снял гипс, никак к хромоте не привыкну.

– Череп парень серьезный. А ты сочувствия моего ждешь?

– Нет... Я знаю, что это месть за то, что я с тобой сделал. Но если бы ты только знала, что я пережил здесь за это время...

– А я не хочу знать, – перебила она, снова щелкая зажигалкой. – Вряд ли тебе было намного хуже, чем мне. Поэтому не дави на жалость, я просто не знаю, что это такое.

– Что мне сделать, чтобы ты простила меня? – спросил он, заглядывая в глаза.

– Ты что, идиот? – удивилась Марина. – Да будь моя воля, я убила бы тебя, а ты говоришь – прости!

– Убей, ты сможешь, я знаю. Все равно рано или поздно меня забьют здесь до смерти. Стоит только Мاستифу упомянуть твое имя, как они звереют и молотят меня. И я же еще должен лечить их, если что... Мог бы – давно с собой покончил бы...

– Духу не хватает? Ну, еще бы – это не безответную женщину бритвой полосовать, это ж себе, любимому...

Он опять затравленно посмотрел на нее, весь сжался. Страх перед болью превращает человека в животное – подтверждение этого тезиса сидело сейчас перед Мариной. Когда-то он пытался превратить в нечто подобное ее саму, а теперь вон как жизнь все переставила...

- Не говори больше так, ведь я люблю тебя, – попросил Нисевич жалобно.
- Странную любовью. Может, хватит словоблудия? Мне домой пора, ждут меня.
- Ты все еще с ним?
- Что значит «все еще»? Да, я с ним, мы живем вместе, если тебя именно это интересует...

Денис поднялся из кресла, подошел вплотную к камину и стал смотреть на языки пламени. Коваль допила коньяк, закурила очередную сигарету и отошла к окну. Было совсем темно, шел снег. Двор хорошо освещался, по периметру бегали два огромных алабая. Жуткие псы – такие порвут в секунду и даже не заметят... Не дом, а военная крепость.

Денис тихо подошел сзади и положил руки Марине на плечи, заставив вздрогнуть от неожиданности. Прошептал на ухо:

- Не надо, пожалуйста... Не зови никого, я ничего не сделаю тебе. Просто хочу вспомнить, какая ты...
- Жену свою вспомни, – негромко посоветовала Коваль, не оборачиваясь.
- Я не хочу ее... Только ты меня понимала, только ты – моя... Поцелуй меня, пожалуйста, – попросил он тем же тоскливым шепотом.
- Спятил совсем? – удивилась Марина. Но Денис не отпустил ее, повернул к себе лицом и сам нашел ее губы. Коваль уперлась руками ему в грудь, но Денис все продолжал бродить губами по ее лицу, по шее, по кружеву белья в вырезе пиджака.
- Зачем ты носишь эту дрянь, ведь у тебя такое красивое тело, – пробормотал он.
- Ты хотел сказать – было, да, Денис? Теперь оно совсем другое...

С этими словами она вырвалась из его рук, поставила ногу на подлокотник кресла и стала расстегивать комбидресс. Нисевич, упав в кресло, целовал эту

длинную стройную ногу в черном чулке, открытую распахнувшимся разрезом юбки, поднимался губами все выше. Марине наконец удалось справиться с кнопками, она оттолкнула Дениса носком туфли и, вырвав кружево из-под пояса юбки, подняла к самой шее, обнажая свои рубцы.

– Как, ты по-прежнему считаешь его красивым, Дэн? Правда, оно прекрасно? Блеск просто! Ну, поцелуй же его, если не передумал!

Денис закрыл лицо руками, отпрянув в ужасе. Коваль привела себя в порядок, поправила волосы и пошла к двери. Нисевич бросился следом:

– Не уходи! Я сделаю все, что ты хочешь, но только не уходи вот так!

Он взял было ее за руку, но Марина вырвала ее и произнесла тихо и твердо:

– Тогда сделай одну вещь – просто сдохни! – и, повернувшись на каблуке, позвала: – Череп!

Тут же дверь распахнулась, и Череп вместе с Кабаном вошли в каминную. Кабан привычным жестом завернул руки Дениса за спину и вывел из комнаты. В глазах Череп застыл вопрос.

– Все нормально. Просто мне пора ехать. Где Мاستиф? Хочу попрощаться.

– Я провожу, он в бильярдной.

Они спустились в подвал, где Мастиф катал шары.

– Составьте компанию, Марина! – пригласил он. – Череп, кий Марине Викторовне!

Череп повиновался. Коваль любила под настроение сыграть партию-другую и сейчас тоже не отказала себе в удовольствии. Мастиф хитро поглядывал в ее сторону.

– Что, Оскар Борисович? – устав от этих взглядов, поинтересовалась Марина.

– Удивляюсь вам. Железная женщина! Разве вам совсем не жаль его? Ведь, как ни крути, а вы были близки с ним долгое время.

Она пожала плечами, обошла стол, ища место для удара:

– Ну и что? Почему я должна его жалеть?

– А он просто бредит вами...

– Это его проблема. Он бредил мной почти девять лет, и три из них творил такое, что даже вашим амбалам не пришло бы в голову. Вы по-прежнему считаете, что мне должно быть его жаль? – холодно спросила Марина, отправляя шар в лузу.

Мастиф расхохотался, подняв руки:

– Сдаюсь! Ольга права – вы легко перешагиваете через то, что стало вам ненужным, даже не оглядываясь. Но, возможно, вы в этом правы.

Они закончили партию. Коваль с блеском ее выиграла, впрочем, как всегда. Мастиф по-отечески обнял ее, проводил до машины.

– Обращайтесь, если что, Марина, безо всякого стеснения, я всегда помогу.

– Спасибо, Оскар Борисович.

Она села за руль и рванула с места так, что Череп догнал умчавшуюся достаточно далеко машину только минут через пять, недовольно посигналив. Он проводил ее до дома, подождал, пока въедет в подземный гараж, и отбыл. Марина поставила джип и поднялась в квартиру.

Федор был дома. Ну где ж еще ему быть в два часа ночи-то! Лежал в спальне, закинув за голову руки, и смотрел телевизор. Коваль вошла босиком, скинув промокшие туфли в коридоре, остановилась в дверях.

– Привет...

Он повернул голову:

– Где ты была?

– О, это длинная история! Расскажу – не согласишься.

– Не поверю, – спокойно подтвердил он.

– Федь, не надо, а? Что за разборки?

– Ты что, пьяная за руль уселась? – спросил он, садясь на кровати по-турецки. – Ты когда-нибудь думаешь, что творишь?

– Ой, прекрати! Я нормально вожу машину, пятьдесят граммов коньяка вряд ли подорвали мое умение.

– Ну конечно! Как же я забыл, что твоя фамилия Шумахер! – усмехнулся Федор.

Он смотрел на нее пристально, но без раздражения. И Марина вдруг поймала себя на том, что ей до одури захотелось заняться с Федором любовью, даже заныло что-то внутри. Она выключила свет, стала снимать одежду, оставшись в белье и чулках. Мотнула головой, распуская волосы, и опустилась на постель.

– Сними остальное! – велела обалдевшему Волошину, и он подчинился, расстегивая кнопки.

От прикосновений его пальцев она застонала. Не в силах сдерживаться больше, сдернула кимоно, в котором он ходил дома, и спустилась вниз по бедрам, проводя языком. Федор выгнулся ей навстречу, опираясь на руки. Коваль хорошо знала, как доставить удовольствие мужчине – это признавали все, кто хоть раз оказывался с ней в постели. Рука Федора легла на ее затылок, слегка прижав голову, и Марина не останавливалась до тех пор, пока он сам не вывернулся и не посадил ее на себя. Она обвила его ногами, прижалась грудью к губам, чувствуя, как его язык прикасается к ней. Федор целовал ее тело, словно не замечая шрамов, рубцов, ожогов. Он любил это тело так, словно оно по-прежнему было безупречным, таким, как досталось ему в первый раз. Наконец, обессиленный совершенно, выпустил ее из своих рук и прохрипел:

– Я умру на тебе, это точно...

– Или я – под тобой, – откликнулась она, не в силах даже пошевелиться.

– Ты, конечно, очень хитро все обставила. Я понял уже твою манеру уходить от неприятных разговоров, подставляя мне свое шикарное тело, от которого я не в силах оторваться, – сказал он минут через десять, когда Марина уже задремала. – Но я все равно хочу знать, где ты была.

– Федя, а до завтра не подождет? – попробовала отвертеться Коваль, но не тут-то было.

– Нет, давай сейчас.

Она со стоном села, натянув простыню на грудь. Что же за наказание, вот дотошный разведчик – подай сюда всю информацию немедленно, и никак не улизнешь!

– Сигареты носи тогда, они в сумке.

Закурив, она честно выложила все о своем визите к Мاستифу.

– А самое забавное то, кем он заменил меня, – подытожила Коваль, глядя на тлеющую сигарету в тонких пальцах. – Нисевичем моим!

– Твоим? – недобро усмехнулся Федор. – Что значит – твоим?

– Неудачно выразилась – моим бывшим любовником. Так лучше?

– Лучше. Дальше что?

– Да ничего, – пожала она плечами. – Мальчики Мастифа тренируют на нем силу удара, а он их за это лечит. Еще ему раздробили колено на долгую память обо мне. А Мастиф предложил и мне что-нибудь в том же духе с ним сотворить, представляешь? Марать руки об это животное?! Ну, уж нет! По-моему, старичок был разочарован моим отказом. А ты, дорогой, конечно же, решил, что я рванула с кем-то перепихнуться на скорую руку?

– А что я должен был решить, не застав тебя дома и узнав от консьержа, что за тобой заехали бугаи на зеленом джипе? Ясно, что не по грибы поехала.

– Да я из-под тебя еле живая выбираюсь, куда еще-то? – удивилась Марина, ложась на живот, и Федор захохотал.

– Хочешь, я научу тебя курить кальян? – спросил он внезапно. – По-настоящему, с травой...

– Хочу! – не задумываясь, согласилась она. – А где ты траву-то возьмешь?

– Чтобы разведчик такую мелочь не добыл? Скажешь тоже!

Кальян стоял в зале как украшение – его подарил больной в знак признательности – но по прямому назначению никогда прежде не использовался. Пару раз Марина, конечно, заряжала его специальным ароматическим табаком, чтобы побаловаться в компании, но не более того.

Федор зарядил траву и протянул Марине мундштук:

– Попробуй.

Она неумело затянулась, закашлялась. Отобрав мундштук, он сам затянулся, а потом, прижав свои губы к ее губам, выдохнул дым ей в рот.

Марина улетела почти в ту же секунду – ощущение было потрясающее, тело стало странно легким, невесомым. И сразу захотелось мужской ласки, вот прямо сейчас, здесь, немедленно... И, разумеется, она получила желаемое в полной мере. По-другому Волошин не умел.

Они не могли прожить ни минуты друг без друга, сходили с ума, не слыша хотя бы голоса по телефону. Марина привыкла засыпать и просыпаться в его объятиях, смотреть, как он бреется по утрам, как курит, ждать его по вечерам. Она уже не мыслила своей жизни отдельно от Федора, без него. Видно, это и есть любовь...

Поэтому через несколько месяцев, держа в руках карту поступившего в реанимацию пациента со знакомой фамилией, она не поверила, отказалась верить в то, что это происходит с ней... Это не он, это просто совпадение, думала она, глядя на красную наклейку в углу – реанимация.

– Что с вами, Марина Викторовна? – спросил Гринев, видя, как заливается бледностью ее красивое, надменное лицо.

– Нет... ничего... – пробормотала Коваль, все еще пытаюсь сохранить спокойствие. – Кто принимал больного в реанимацию?

– Арбузов.

Она выскочила из ординаторской и побежала в перевязочную. Сестра Аня чуть в обморок не упала, когда заведующая ворвалась в ее стерильные владения без маски и колпака, заорав с порога:

– Виталий Сергеевич, что с больным в реанимации?!

Арбузов от неожиданности уронил на пол зажим:

– Что случилось?

– Я задала вопрос! – заорала Коваль еще громче, уже не в состоянии контролировать себя.

Арбузов, схватив ее за локоть, бесцеремонно выволок из перевязочной.

– Что вы позволяете себе, Марина Викторовна? – раздраженно спросил он. – Я работаю, а вы врываетесь и орете на меня, как будто я проштрафившийся пацан!

Марина смутилась – доктор был абсолютно прав, она перешла все границы, но иначе сейчас просто не могла.

– Извините. Но мне срочно нужна информация. Уделите мне пять минут и можете продолжать.

Она взяла его под руку и повела к себе в кабинет. Там, нервно выдернув из пачки сигарету, закурила и уставилась на сердитого Арбузова.

– Ну?

– Что – ну? – пожал тот плечами. – Там дело швах. У него три пулевых в грудь. Да и проникающее ранение черепа... Самое странное, что он в сознании все время. Сильный мужик.

– А прогноз? – задохнулась Коваль, роняя сигарету на пол и даже не замечая этого.

– Ну, вы же врач, Марина Викторовна, какой прогноз? Пойдете перевязывать, сами все поймете.

– Спасибо, можете идти.

Когда за Арбузовым закрылась дверь, Марина закусила собственные пальцы, чтобы не взвыть во весь голос от ужаса и боли, которые сжали сердце тисками. Шагая вместе с Аней в реанимацию, она изо всех сил пыталась «держать лицо», чтобы сестричка не догадалась, как ей плохо и страшно.

В палате, где лежал Федор, было прохладно и тихо, только аппараты подавали сигналы, да попискивал кардиомонитор. Волошин лежал весь в бинтах, повязка на голове уже пропиталась кровью. Коваль постояла минуту, собираясь с силами, потом кивнула Ане, та подала ножницы. К Марине вернулось самообладание – перед ней был больной, которому она обязана помочь, хотя и видит уже, что только продлевает мучения, прикасаясь к ранам. Закончив, она велела Ане идти в отделение, и девушка удивилась:

– А вы?

– Я сейчас. Идите, Аня.

Марина осталась одна со своим любимым, смотрела и понимала, что все напрасно, ничем помочь уже нельзя... Ее охватило такое отчаяние, такая тоска... Она прижалась лицом к его руке и лежала так, не шевелясь. Федор

почувствовал ее, открыл глаза и чуть пошевелился. Марина вздрогнула и подняла голову – на нее уставились широко распахнутые серые глаза, в которых уже почти не было жизни... Федор смотрел на нее, словно хотел получше запомнить перед неизбежным расставанием. Маринино сердце разрывалось от горя – от нее уходил любимый человек, уходил к другой женщине, имя которой – Смерть... И она, Марина Коваль, не в силах помешать отнять его. В этот миг Марина возненавидела свою профессию.

Федор вдруг поднял руку и коснулся ее щеки:

– Не плачь...

Она не выдержала, зарыдала в голос, понимая, что никогда уже ничего не повторится – ни прогулки по лесу, ни безумные ночи, полные страсти и нежности...

– Не плачь, – повторил он.

Это были его последние слова. Через двадцать минут он умер, так и не сведя с Коваль холодных серых глаз... Она уже и не плакала даже, просто тихо лежала на перебинтованной груди, сплетя свои пальцы с его. Вошедший заведующий реанимацией удивленно посмотрел на нее – Коваль, железная, негибкая Коваль лежала на остывающем уже теле расстрелянного ночью кем-то спецназовца Волошина бледная, зареванная и почти слепая от горя.

– Уйди, Коля, – тихо попросила она, не поднимая головы. – Будь человеком, дай мне побыть с ним два часа...

Колька все понял и вышел, прикрыв дверь.

Через два часа за ней пришел Гринев – вся больница уже знала, что в реанимации умер любовник Марины Коваль.

– Идемте, Марина Викторовна, прошу вас, – попытался поднять ее Гринев, но она помотала головой.

– Нет, я с ним... Там холодно и темно, я не хочу, чтобы он был один...

Гринев в шоке уставился на свою заведующую:

– Марина Викторовна...

– Веди ее отсюда, Гринев, – взмолился Колька. – И уколите ее там чем-нибудь, а то она рехнется совсем. Иди, Коваль, слышишь меня? – обратился он к Марине, осторожно погладив по плечу, обтянутому белым халатом. – Иди, поплачь, тебе легче станет...

– Коля, мне уже никогда не будет легче, как ты не поймешь? – с ненавистью на весь мир ответила Марина. – Меня нет, Коля, нет меня.

– Гринев, забери ее, хватит!

И она дала увести себя в свой кабинет, где, упав в кресло, закурила, уставившись в одну точку.

Через полчаса пачка сигарет опустела, в горле саднило от табака, глаза слезились от дыма, а Марина все сидела в той же позе. В кабинет тихонько вошла Ольга Борисовна:

– Марина Викторовна, езжайте домой, Оскар при-ехал за вами. Идемте, я провожу.

Она безропотно позволила одеть себя, натянуть сапоги, вывести на стоянку, где стояли зеленый «Рэндж Ровер» и «шестисотый». Из «мерина» вышел Мاستиф, молча обнял ее, потом кивнул застывшему рядом Черепу:

– С ней поедешь, побудешь пока рядом. Смотри, чтобы не наделала чего, иначе башку сверну. Глаз не спускай, не оставляй ни на секунду. Да, аптечку проверь, все снотворные, успокоительные – убрать, лезвия, ножи, что там еще есть у нее. Понял? И не вздумай хоть пальцем коснуться, а то шкуру живьем сдеру!

Череп обиделся:

– Что я, скот какой-то? Зачем говоришь?

– А затем что знаю, как ты спишь и видишь, чтобы с ней в койке покувыркаться! Забудь! – отрезал Мاستиф.

Марина слушала это с таким равнодушием, словно не о ней был разговор, а о ком-то постороннем. Вообще все слова, звуки, шумы не доходили до сознания. Череп посадил ее в машину и повез домой. Загнав джип в «подземку», он вынул из Марининой сумки ключи, отомкнул квартиру. Навстречу кинулся Клаус, ожидавший Федора, но, поняв, что ошибся, поджал хвост и, заскулив, убрался на место.

Череп раздел Марину до колготок и водолазки – дальше не посмел. Уложил на кровать, укрыв одеялом.

– Я понимаю, что есть вы не будете, но чаю хотя бы... – нерешительно предложил он.

Она смотрела на него и не могла сообразить, чего он от нее добивается, что вообще делает в ее квартире, в спальне. Потом, вспомнив, спросила:

– Может, кальян покурим?

– Что? – не понял Череп.

– Гашиш, говорю, покурим?

Он непонимающе смотрел на нее. Тогда Марина принесла кальян, зарядив его гашишем, вытянулась на кровати и взяла мундштук. Сделав пару затяжек, предложила Черепу, сидевшему рядом. Но он отрицательно покачал головой:

– Нет. И вам бы тоже не надо, Марина Викторовна.

– Отвали! – велела она слегка заплетающимся языком. Ее уже зацепило, но все равно еще пару раз затянулась, окончательно улета.

В наркотическом полусне Коваль видела Федора. Он улыбался и тянул к ней руки – такой родной, любимый, живой...

– Возьми меня к себе, – попросила она. – Я не могу тут без тебя, мне не нужна жизнь, где тебя нет.

Но он покачал головой, не соглашаясь... Марина плакала, умоляла, но бесполезно.

Очнувшись среди ночи вся в слезах, с головной болью, раздирающей виски, она увидела лежащего на ковре возле кровати Черепа, положившего голову на свернутую кожанку. Ей стало жаль его, она подсунула подушку, а сверху набросила одеяло. Череп сразу открыл глаза и сел:

– Куда вы?

– Лежи, я покурить, на кухню, – успокоила Марина, нашарив ногой тапочки.

– Я с вами, – упрямо заявил он, поднялся и пошел за ней на кухню.

Не включая света, Марина нашарила на подоконнике пачку сигарет, села за стол и замерла. Череп уселся рядом, достав свои, закурил. Тогда Коваль уставилась ему в глаза, и он смутился:

– Что?

– Ничего. Как тебя зовут? В смысле, как родители называли?

– Олег.

– Понятно. Ничего, если я тебя по имени звать буду? А то погоняло у тебя недоброе какое-то.

– Это от фамилии – Черепанов. Зовите, как нравится.

– Если честно, то никак не нравится, – призналась она. – Твое присутствие меня напрягает. Сделай так, чтобы я как можно меньше его ощущала.

– Постараюсь, но совсем уйти не могу – хозяин велел быть рядом, охранять. Если дело в моей роже, то попросите, и он пришлет кого-нибудь другого, – спокойно и без обиды сказал Череп.

– Твоя рожа ни при чем, просто мне не нравится, что кто-то постоянно будет отсвечивать за спиной.

– Привыкайте, Марина Викторовна, теперь по-другому никак, – загадочно ответил он.

– Ладно, пойду еще пару затяжек сделаю, – Марина поднялась, направляясь в спальню, но Череп перехватил ее и резко сказал:

– Нет, все! Хватит на сегодня, а то подсядете!

– Не волнуйся.

– Я сказал – нет! – еще раз повторил он. – Я не хочу видеть, как из красивой женщины вы превратитесь в затасканную мочалку, готовую за «косяк» на все и под всех.

– Ты-то здесь при чем? Не смотри, я не заставляю.

Но Череп решительно забрал кальян из спальни, прихватив и весь оставшийся гашиш. Падла такая...

– Ложитесь, Марина Викторовна, завтра тяжелый день, нужно сил набраться, – уговаривал он, накрывая ее одеялом.

Думать о завтрашнем дне, когда вместо живого, любимого Волошина останется могильный холмик, было невыносимо. И как ей удастся выдержать похороны, Марина даже не представляла...

Утром Череп принес кофе, и Марина, вспомнив, как делал это Федор, заплакала, роняя слезы прямо в чашку. Череп молча сидел на кровати и смотрел на плачущую женщину, не успокаивая и вообще ничего не говоря. Потом ему на

мобильный позвонил Мاستиф, сообщив, что похороны в два часа, и Марина начала одеваться, плохо соображая, как должна выглядеть. Выбрала любимое Федькино платье – длинное, черное, совершенно закрытое, с длинными рукавами и капюшоном, и черную же норку. Когда, прихватив темные очки, вышла в комнату, Череп вздрогнул – видимо, показалось ему, что это не давно знакомая Коваль, а Смерть...

Они приехали на кладбище. Благодаря вмешательству Мастифа Марине не пришлось заниматься похоронами самой – он помог, созвонившись с сослуживцами Федора и представившись ее отцом. Когда, сопровождаемая Черепом, Марина шла к зияющей, как рана, могиле, ее окликнул высокий капитан, отделившийся от толпы людей, окруживших гроб.

– Марина!

– Да, – хрипло ответила она, обернувшись.

– Вы меня не помните? Я Артем Догилев, Федор знакомил нас как-то...

– Нет, не помню, – пробормотала Коваль. – Извините меня, я не в состоянии разговаривать...

Череп оттер военного плечом, взял Марину под руку:

– Покурить хотите, пока еще есть время?

Она кивнула. Череп достал из кармана ее сигареты, поднес зажигалку, и Марина затянулась, судорожно глотая дым. Среди толпы маячили мастифовские братки, стоял он сам в длинном черном пальто.

– Идемте, Марина Викторовна, – тихо сказал Череп. – И не бойтесь ничего, я рядом, я буду рядом.

...Она словно оглохла, поле зрения сузилось до размеров, вмещающих только родное лицо с закрытыми навсегда уже глазами и плотно сжатыми губами. Упав на колени в рыхлый мартовский снег, смешанный с кладбищенской землей, она уронила голову на грудь Федора и так стояла, не замечая промокшего вмиг

платья, заледеневших сразу же коленей. Кто-то из Федоровых сослуживцев попытался поднять ее, но Череп намертво стоял за спиной, не давая прикасаться к замершей у гроба женщине. Она больше не плакала, словно слез не было, все окаменело. Внезапно перед глазами поплыло, и Марина завалилась в расквашенную жижу, потеряв сознание.

Очнулась она дома, на кровати в собственной спальне, не совсем понимая, как здесь оказалась. На ней по-прежнему было черное платье, только все измятое и грязное, на полу валялась шуба, тоже вся в грязи. На кухне кто-то гремел посудой. Марина поднялась и, спотыкаясь, как пьяная, пошла на звук.

Череп готовил что-то, стоя спиной к двери. Под черной водолазкой бугрились мышцы.

– Это ты меня привез? – спросила Марина срывающимся голосом.

– Да. Вам лучше?

«Вот интересно, что такое „лучше“ применительно к моей ситуации – то, что до сих пор жива?» – пронеслось в Марининой голове, и она не ответила, достала из шкафа бутылку текилы, налила в высокий стакан. Брови Черепа взметнулись вверх, когда он увидел, как Коваль залпом влила в себя мексиканскую самогонку, даже не морщась, и налила еще.

– Вы не думаете, что это слишком? – поинтересовался он, ставя перед ней тарелку с... японскими роллами. Ого, а он еще и кулинар, оказывается! Надо же, а Марине всегда казалось, что он только шеи умеет сворачивать.

– Не лечи меня, – отмахнулась она, беря стакан.

На ее руку легла широкая горячая ладонь:

– Не надо, Марина Викторовна, от этого будет только хуже, я знаю. Нужно продолжать жить...

– Как?! – заорала она, вырывая руку. – Как мне жить дальше – без него?! Ты не знаешь, что значил для меня этот человек! Мне нет смысла жить, пойми это, агрегат для разборок! Если только ты вообще способен что-то понять!

Коваль заплакала наконец, чувствуя, что слезы приносят облегчение, если это возможно, конечно. Череп смотрел на нее не отрываясь, словно видел впервые, потом подошел и обнял, прижав к груди.

– Это хорошо, что вы плачете.

Он потащил ее в ванную, открыл воду, принялся умывать лицо, а Марина все плакала и плакала, пока совсем не обессилела от собственной истерики.

– Помоги мне платье снять, – попросила она, и Череп потянул «молнию» вниз.

Не стесняясь его, Марина сбросила платье, прекрасно зная, что никогда больше не наденет его, не сможет. Внезапно подняв глаза, поймала на себе полный ужаса взгляд Черепы, глядящего на ее тело.

– Что, нравится?

– Господи... что это такое? Кто это вас так?.. – выдохнул он.

– А то ты не знаешь, – усмехнулась она, беря халат.

Череп подтянул ее к себе, чуть дотронулся кончиками пальцев до рубцов на животе:

– Значит, за все это я перебил тому козлу только одно колено?! Ну, ничего, время есть, проведу его с пользой! – произнес он с угрозой, сузив глаза. – Таких тварей надо калечить так, чтобы смерть избавлением казалась! Как вы выдержали это все, ведь это же дикая боль? – спросил он севшим голосом, поглаживая ее шрамы.

– Убери руки, Олег, – тихо попросила Марина, спокойно стоя перед ним в одном белье и чулках. – Я знаю, о чем ты сейчас мечтаешь, и даже согласилась бы быть с тобой при другом раскладе, но не сейчас, не сегодня, когда я похоронила

Федора.

Череп убрал руки, отвернулся, пытаясь совладать с собой. Конечно, ему ничего не стоило бы заставить ее, просто взять силой, но он не сделал этого, и Марина была благодарна ему.

– Как вы догадались? – спросил он, не глядя в ее сторону.

– Не первый ты, Олег, далеко не первый, – грустно улыбнулась она, завязывая халат. – Я давно привыкла, что все поголовно хотят мое тело и совсем никому не нужна я сама. Только Федору это было важно – какая я в душе, а не что я умею в постели.

Коваль улеглась на кровать, плотно завернувшись в одеяло, Череп погладил ее по рассыпавшимся из-под расстегнувшейся заколки волосам:

– Простите, я не хотел обидеть вас...

– Меня сложно обидеть, я же стерва.

Череп остался у Марины – Мاستиф настоял, чтобы она не находилась одна. Тем более что свободного времени образовалось много: она уволилась с работы сразу же после похорон Федора, просто не могла больше видеть эту больницу, разочаровавшись в своем деле окончательно. Ее, конечно, поугovarивали остаться, но она-то видела, что все спят и видят, как бы поскорее избавиться от задолбавшей все живое Коваль. «Да пошли вы все!» – абсолютно равнодушно подумала Марина, закрывая за собой больничные двери.

Мастиф одобрил ее решение и даже перешел на «ты», что означало только одно – теперь она член семьи, и место в ней будет занимать отнюдь не последнее, а скорее наоборот. Возможно, кого-то из приближенных Мастифа эта ситуация не устраивала, но рта никто не открывал, да и Череп, будучи всегда рядом, вряд ли позволил бы.

Как-то однажды, вернувшись после очередного визита к Мастифу, Череп усадил Марину перед собой на кухне и серьезно спросил:

– Вы хотите знать, кто убил вашего Федора?

Коваль замерла на краешке стула, не в силах сказать ни «да», ни «нет». Череп вздохнул, закурил, глядя поверх ее головы:

– Я знаю, Марина Викторовна, вы думаете, это Мاستиф сделал. Это не так. Случилась пьяная разборка в кафе, гуляли какие-то отморозки молодые, а ваш Федор оказался там же, должен был встретиться с приятелем. Малолетки подняли какой-то базар, что-то за деньги вроде, стали орать, дебоширить, и он, Федор, сделал им замечание. А среди них нашелся какой-то идиот – ствол вырвал, ну и...

Череп замолчал, осторожно глядя на Марину и ожидая реакции. Коваль по-прежнему молчала, убитая нелепостью ситуации – боевой офицер, спецназовец, прошедший Чечню, погиб так глупо и зря, застреленный распоясавшимся пацаном...

Марина молча встала и ушла к себе, прихватив бутылку текилы. Охранник не посмел перечить – понимал, что ей нужно как-то расслабиться, чтобы смириться с потерей. Хотя вряд ли с этим можно вообще смириться. Он очень хотел помочь – специально выяснял подробности, нашел даже тех, кто видел, как убили Волошина, только бы Марине стало легче...

Со временем Марина даже привыкла к постоянному присутствию Череп в своей квартире. Он заботился о ней, готовил, заставлял есть хоть что-то и ограничивал дозу алкоголя и количество сигарет. Правда, она иногда довольно сильно доставала его, потешаясь над многочисленными талантами, но он терпел, а когда становилось совсем невыносимо, просто уходил в другую комнату. Было кое-что, заставившее Марину относиться к навязанному охраннику с интересом и даже определенной долей уважения. Несмотря на судимость, Череп оказался неплохо образован. Он был сдвинут на японской культуре и кухне, на всяких единоборствах и кодексе самурая, а также неплохо владел японским и мог подолгу декламировать непонятные пятистишия на языке оригинала. Она начала прислушиваться к непривычным звукам и даже получать удовольствие.

Так и жили. И однажды, душной июльской ночью, не вынеся пустой одинокой постели, Коваль вошла в комнату, где спал на диване Череп. Его такое страшное днем лицо сейчас, во сне, не таило никакой угрозы – он спал, безмятежно

забросив за голову руки, одеяло сползло, обнажая мускулистый торс. Марина почувствовала, что сейчас сойдет с ума, если не получит власти над этим телом, если Олег не возьмет ее прямо здесь, на этом диване, на полу, где угодно, где только ему захочется... Она опустила на колени и осторожно поцеловала его в губы. Олег открыл глаза, не сразу сумев сообразить, что происходит:

– Ты?!

– Тихо, молчи, не надо говорить ничего, – прошептала Марина, продолжая целовать его. – Я сделаю все сама...

Обалдевший Череп тарачился на нее, а она сорвала шелковую рубашку и попросила:

– Закрой глаза, если тебе неприятно видеть мое тело, только, пожалуйста, не прогоняй меня. Я хочу побыть с тобой, мне очень нужно побыть с тобой...

Он сел, привлекая женщину к себе и прислоняясь лицом к ее животу, горячим дыханием согревая его.

– Разве хоть кто-то смог бы от тебя отказаться? Я ждал так долго... – бормотал он, целуя ее тело. – Ты слишком нереальна для бандита-телохранителя, слишком хороша, красива и самостоятельна... Но я так хочу тебя, что не боюсь последствий.

И Марина поняла, что он имеет в виду – Мاستиф регулярно и дотошно выспрашивал, как ведет себя Череп, не распускает ли руки, не позволяет ли себе лишнего.

– Успокойся, ты не Мастифа трахнешь, а меня.

– Это почти то же самое, – усмехнулся Олег. – Но мне все равно, я должен узнать, какая ты, и я это сделаю, даже если головой рискую.

Он многое узнал о ней за эту ночь, и ему понравилось. Она ничего не боялась и не прерывала процесса, даже уже замученная до полубезумного состояния, до дрожи в ногах и во всем теле.

– Я не сделал тебе больно?

– Мне?! – искренне удивилась Коваль. – Ты посмотри внимательно, я не такое еще видела. Боль он мне причинил, а как же!

– Я убью эту сволочь сегодня же, – процедил Череп сквозь зубы.

– Зачем? Пусть живет, мне безразлично уже.

Он закрыл ее рот поцелуем, раздвигая губы языком. Оторвавшись, спросил:

– Ты не сердишься на меня?

– А ты? – улыбнулась она в ответ. – Ведь это я вломилась к тебе! Люблю получать желаемое сразу, не оттягивая.

– Ты не пожалеешь о том, что сделала, – пообещал он, обняв ее.

– Не сомневаюсь.

Утром, куря на кухне, Коваль подумала о том, что судьба пожалела ее, устав издеваться, и послала вместо отобранного Федора преданного, как собака, Олега. Она поняла, что ради нее он готов на все, что, если придется, биться за нее будет до смерти.

– О чем ты задумалась? – спросил Олег, садясь у ее ног и кладя голову ей на колени.

– О тебе. Мне хорошо с тобой, только хочу быть до конца честной – не жди от меня любви, Олег. Я не создана для семейной жизни. Я не жена, не хозяйка очага, не мать.

– Мне ничего не нужно от тебя, я просто хочу быть рядом. Кроме того, никто не позволит мне жениться. Ведь у Мاستифа насчет тебя четкий план – ты должна стать его легальной вывеской, главой созданной им империи. Чтобы никто не

связывал его имя с бизнесом, ведь он – вор в законе, нельзя ему что-то иметь. А так все красиво: ты на виду, он как бы ни при чем, зато и большая часть доходов пойдет не в общак, а на его счета в Швейцарии.

– Умно придумано. Только меня спросить забыли. А мне это на фиг не нужно! – жестко сказала Коваль, стараясь не подать вида, как неприятно поразили ее слова Олега.

– А твоего согласия не требуется, Маринка, – вздохнул Олег. – У тебя просто нет выбора. И самое грамотное – это кивнуть гривой и постараться извлечь максимум пользы при минимуме потерь.

– Что-то слишком ты умен и осведомлен для телохранителя, – усмехнулась она, шаря рукой по столу в поисках сигарет.

– Я не просто телохранитель. Я доверенный человек. И не всегда, кстати, охранял этого старпера. У меня была большая бригада – крышевали проституток, наперсточников, катал всяких.

– А потом что случилось?

– Длинная история, – уклонился он. – Потом как-нибудь.

– Как знаешь. А сейчас поехали-ка, навестим нашего с тобой хозяина. Ведь, оказывается, у нас он общий, – зло сказала Марина, обнаружив, что сигаретная пачка пуста. – Интересно, он меня сразу в койку потянет или сперва предложением огорошит, чтоб уж точно не отказала?

– Никакой койки не будет. Ты для него – дочь, которую он всегда мечтал иметь.

– Уже поимел, как выяснилось. Было у меня ощущение, что добром это не кончится, да поздно теперь. Собирайся, поехали.

Она надела самую короткую юбку, какую только нашла, облегающий топ с высоким горлом, но без рукавов, ярко-красный, цвета крови, и такие же туфли на шпильке. Увидев это, Череп застонал:

– Зачем ты так оделась? – и опустил глаза на свои джинсы, готовые лопнуть.

Коваль заливисто засмеялась, проведя по ним рукой и облизывая губы:

– Дорога длинная, а лесопосадок на ней... – она снова облизнулась, как кошка, глядя в его вспыхнувшие догадкой глаза. – Понял?

Он задрал и без того короткую юбку и запустил руку в стринги:

– Рядом с тобой мозги находятся не в голове, а где-то в другом месте. Догадайся, в каком!

Ей стало смешно:

– Поехали, еще успеешь поработать этим отлично соображающим местом!

Марина села за руль сама, отобрав ключи от «Рэндж Ровера» у сопротивлявшегося Черепа. Разогнав джип почти до двухсот, неслась по трассе, получая удовольствие от громадины, отлично слушающейся руля. Возле каких-то лесопосадок затормозила так, что машина пошла юзом, едва не перевернувшись, Череп еле успел перехватить руль и выровнять ее.

– Ты что, с ума сошла?! – заорал он. – Мы ж опрокинемся так! Бешеная девка! А ну-ка, слазь с водительского места!

Она вышла. Но вовсе не потому, что испугалась его рева, просто у нее были свои планы относительно этого лесочка. Не дав Черепу опомниться, она расстегнула его джинсы и опустилась на корточки...

Минут через пять, когда бедолага Череп пытался отдышаться, Коваль как ни в чем не бывало встала, погладила его по щеке и невинным голосом спросила:

– Ну, кто поведет – я или ты?

Тот ошарашенно глядел на то, как она невозмутимо красит губы, дрожащей рукой застегивал джинсы, потом выдохнул:

– Стерва... Какая же ты стерва!

– Знаю, Олег, давно знаю. Ты собрался? Тогда поехали.

Мастиф не ждал гостей, но, увидев выбирающуюся из-за руля «Рэндж Ровера» любимицу, обрадовался:

– Честно говоря, хотел послать за тобой завтра, но так даже лучше, что ты сама сегодня приехала. Что-то случилось?

– Да. Я хочу поговорить с вами, Оскар Борисович, – решительно сказала Марина, беря его под руку. – Нужно прояснить один момент с глазу на глаз, можно?

– Конечно, девочка, все, что попросишь. Идем в дом, там прохладнее.

В это время на крыльцо вышел Денис и замер, увидев Коваль под руку с боссом. Она же окинула его равнодушным взглядом и отвернулась, замечая, как напряглось звериное лицо идущего за нею Черепа.

– Держи себя в руках! – велела она негромко. – Ты обещал.

Тот остановился на нижней ступеньке, продолжая сверлить Нисевича недобрым взглядом.

– Денис, иди в дом, свари кофе и Марине сигареты принеси, – распорядился Мастиф. Нисевич попятился. – А ты здесь побудь пока! – это уже относилось к Черепу.

Усадив Марину в кресло в прохладной, затемненной задернутыми портьерами каминной, Мастиф приготовился к разговору.

– Оскар Борисович, – начала она. – Скажите честно, что за планы у вас в отношении меня?

Он рассмеялся, откинув голову:

– Девочка, да ты проницательнее, чем я думал!

– Это здесь ни при чем. Просто я знаю вас не один день – вы не станете возиться с тем, кто вам не нужен. Отсюда вывод.

Вошел Денис с подносом, и Марина замолчала, разглядывая его. С последней их встречи он почти не изменился, только правый глаз все время подергивался в нервном тике. Подавая ей рюмку с коньяком, он задел ее руку своей, и Марина вздрогнула.

– Убери свои лапы, иначе я отрублю их! – заорал Мاستиф. – Ты достаточно наследил в ее жизни, тварь!

– Простите, Марина Викторовна, – пяясь, пробормотал Денис.

Вот это дрессура, изумилась Коваль, как он штаны еще не намочил, просто удивительно.

– Пошел отсюда! – велел Мастиф. – Иди Черепу кофейку сваргань, как он любит, покрепче и со специями.

– Так вот, – продолжила Марина, когда дверь за Нисевичем закрылась. – Я должна знать, для чего вам понадобилась. Терпеть не могу, когда меня пытаются использовать втемную. Люблю, знаете ли, быть в курсе того, что происходит вокруг.

– Ты умная девочка, грамотно разложила. Мне нужно от тебя только одно – помощь в делах. Я хочу сделать тебя очень влиятельной и обеспеченной женщиной, которая не будет зависеть ни от кого.

– Кроме вас! – усмехнулась она. – И потом, за что мне такая честь, почему я?

– Потому что я тебе доверяю. Потому что ты сильная, умная. Да и зря ты так переживаешь, это вполне официальный бизнес – сеть игорно-ресторанных заведений. Тебе и делать-то ничего не придется, бумажки только подмахивать да на всяких мероприятиях красоваться.

Марина слушала его и не могла понять, в чем подвох. А ведь должен он быть обязательно, иначе слишком уж сладко это все. Не бывает бесплатных ужинов, она-то это хорошо знала. Пока Марина пыталась осмыслить информацию, Мاستиф подытожил:

– Думаю, мы договорились. Продолжать разговор смысла нет. С сегодняшнего дня будешь жить здесь. Не делай такие глаза, я не предлагаю тебе жить со мной, – сказал он, заметив, как она напряглась. – У тебя будет свой коттедж, по соседству, чтобы я всегда имел возможность встретиться с тобой, а не ждать, пока ты приедешь из города.

«Ну да! – усмехнулась про себя Коваль. – А также иметь возможность контролировать мою личную жизнь, мои связи. Умно!» Она налила полную рюмку коньяка и выпила залпом.

– Да, быстро вы меня сделали, Оскар Борисович, мастерски просто. А если я откажусь?

– У тебя нет этой возможности. Кто ты сейчас? Никто, все в твоей жизни имеет приставку «было» – была работа врача, был любовник. Я же предлагаю тебе Деньги и Власть, пойми. А ты это любишь, я понял сразу, как только увидел тебя впервые. Идем, я покажу тебе твой дом.

Все закружилось с поразительной скоростью. Они вышли во двор, и рядом с Мариной сразу вырос Череп.

– Ишь ты! – усмехнулся Мастиф. – Дело тугο знает, лучшего тебе отдал. Все, Череп, теперь ты не мой больше, а Марины Викторовны. Такую красавицу доверяю тебе, смотри в оба!

Череп склонил голову, а Коваль, когда Мастиф отвернулся, озорно подмигнула Олегу и облизала губы.

На соседнем участке ее взору открылся двухэтажный коттедж с огромным бассейном, аккуратными дорожками, выложенными брусчаткой. Ничего себе, подарочек! Шокированная Марина повернулась к Мастифу:

– Оскар Борисович, это слишком...

– Не дури, ты – женщина дорогая, хватит сидеть в городской «трешке», нужно соответствовать статусу.

Старик был доволен произведенным эффектом, даже прослезился, когда Марина поцеловала его в морщинистую щеку. Потом, махнув рукой, пошел к себе, видимо, стыдясь, что так расчувствовался. Коваль с Черепом остались вдвоем.

– Ну и как, прав я оказался? Теперь точно не видать мне тебя, как своих ушей, – произнес Череп, доставая сигареты. – Негоже хозяйке с телохранителем спать.

– Замолчи! – велела она. – С кем спать, я сама как-нибудь решу, без подсказок. Что за мужики такие – хочешь женщину, значит, бери и не оглядывайся, кто и что подумает. Пойдем внутрь.

Внутри оказалось тоже неслабо, а в подвале – еще один бассейн, выложенный кафелем изумрудного цвета. Недолго думая, Марина сбросила одежду и нырнула с бортика в холодную воду.

– Иди ко мне! – позвала она, выплывая у противоположного борта и глядя на Черепа, наблюдавшего за ней от двери.

Он разделся и оказался в воде, Марина подплыла к нему и обвила его тело ногами, вытянувшись по воде. Череп поддерживал ее одной рукой под спину, а другой гладил грудь и живот, потом нагнулся и принялся целовать ее рубцы. Не упуская ничего, добрался до груди. Коваль вся выгнулась от наслаждения. Когда же он вошел в нее, она заорала во весь голос от непередаваемого чувства счастья, охватившего все ее существо. Они так долго занимались любовью, что у Марины посинели губы, и все тело покрылось мурашками.

– Замерзла? – спросил Череп, вытаскивая ее из воды и пытаясь растереть полотенцем. Но это оказалось слишком возбуждающим, и Марина толкнула его в шезлонг. Череп пытался сохранить остатки благоразумия, но где ему было! Осталось только расслабиться и получить удовольствие...

– Ты – страшная женщина, тебе когда-нибудь бывает достаточно? – спросил Олег, когда она отпустила его.

– Нет. А тебе? – ухмыльнулась Марина, пытаясь попасть ногой в туфлю.

Он засмеялся, помог ей одеться. Натянув черные джинсы и майку, повел наверх.

– Кстати, Олег, мы теперь здесь живем. Ты спишь в моей постели, а не в доме охраны, как Мاستифовы быки, это ясно? – спросила Коваль, беря его под руку и прижимаясь всем телом.

– Ты Мастифу это объясни, дорого я дам, чтобы его лицо увидеть! – усмехнулся он.

– Так пойдем, посмотришь!

– Нет, давай-ка отложим это пока, – уперся Череп. – Момент не тот, слишком много всего.

– Ну, как знаешь, – игриво пожала плечами Марина.

Сегодня они решили переночевать дома, а уж завтра переехать в «Рощу» окончательно. Дойдя до джипа, Череп зашарил по карманам, ища ключи, но их не было.

– Черт, наверное, в доме где-то выронил или в бассейне, – буркнул он. – Покури пока, я сбегаю, поищу.

Череп ушел, а Марина, оглядев двор, увидела, что нет второго джипа охраны и «шестисотого», на котором ездил Мастиф. Значит, унеслись в город. Она оперлась на капот «Ровера» и закурила, мечтательно глядя на резной флюгер, крутившийся на крыше веранды. Внезапно на ее лицо накинута какую-то вонючую тряпку, зажав рот, и куда-то поволокли. Она попробовала сопротивляться, но получила удар в висок и отключилась.

В себя пришла кое-как в какой-то комнатенке на кровати, в голове гудело. Прямо перед ней на стуле сидел старый знакомец Боцман, а за ним, в дверях, стоял Денис...

– Что, красюха, продышалась? – широко улыбнулся Боцман, разглядывая лежащую Коваль с интересом. – Железная ты баба, молча все, без визга.

– Что тебе надо? – поморщилась она, пытаясь сесть.

Боцман заржал, недвусмысленно погладив ее голую ногу:

– Ну, а сама как думаешь? Должок за тобой, красюха, с прошлой встречи. Еще, помнишь небось, как бычком в щеку мне засадила? Я тебе, сучка, обещал, что пацанам своим отдам, да сегодня они клуб новый шерстить поехали. Но мы и вдвоем управимся, да, Дэн?

Тот молчал, глядя на нее таким взглядом, что она бы предпочла, пожалуй, свору пацанов, о которых говорил Боцман, чем одного Нисевича.

– Слушай, а ты классная телка! – не дождавшись ответа, продолжал Боцман. – Мы видали сейчас, как ты с Черепом в бассейне гасилась. У меня чуть яйца не лопнули. Твой новый хахаль, видать, не в курсах, что в том домишке везде камеры натканы... И что ты нашла в нем, а? Или дерет первоклассно?

– Отвали! – посоветовала Марина, морщась от нестерпимой головной боли. – Кто и как меня дерет, не твоя печаль.

– Не вопрос! Чего печалиться, если можно просто засадить тебе, да? Не все же Черепу! Ну, этот кайф мы тебе сейчас и устроим.

– Ты не понимаешь, что делаешь. Мاستиф тебе голову оторвет, если только я ему хоть слово скажу.

– Не-е, не скажешь! – самодовольно ухмыльнулся Боцман. – Иначе твоя жизнь превратится в кошмар. И сейчас советую не орать – а то будет гораздо хуже. Дэн вон и скальпель с собой прихватил, чтобы ты не слишком-то брыкалась. На твоём сексуальном теле вроде еще пара живых мест осталась. Вот мордашка,

например... Так что советую помолчать. А то ведь он может не сдержать страсть и расписать это милое личико.

Марину всю передернуло, когда она, приглядевшись, увидела, что в правой руке Нисевич действительно зажимает скальпель. Это не укрылось от взгляда Боцмана, и он ехидно процедил:

– Ладно, Дэн, тебе первому, как-никак это твоя телка. А уж потом и в паре засадим. Я пока на улице подожду, постою на стреме. Только вы тут недолго, голубки. – И он по-джентльменски, выходя, прикрыл за собой дверь.

Нисевич плотоядно улыбнулся, подошел к Марине и, опустившись на колени, прижался щекой к ее плечу. Потерся, от удовольствия закатывая глаза. Потом принялся медленно разрезать на ней одежду, придерживая ткань другой рукой, чтобы не полоснуть по телу... Тонкий шелк расплзался под скальпелем как топленое масло.

– Ну что, Коваль, вот ты и снова моя, – прошептал Денис, добравшись до лифчика и с особым удовольствием перерезая тонкую перемычку на ложбинке между грудей. – Я же говорил, что только я буду спать с тобой. Ты все так же хороша... Нет, не надо, не закрывай глаза, смотри на меня.

Его руки заскользили по телу, остановились на груди. Сначала он гладил ее, потом стал сжимать, все сильнее и сильнее, внимательно следя за выражением Марининого лица и надеясь увидеть там свое любимое выражение – покорности и страдания.

– Больно? Ну, скажи, ты же помнишь, как я люблю это слышать.

– Отвали, извращенец, – простонала она, стараясь не смотреть ему в глаза.

– Господи, как же ты хороша, Коваль, я даже забыл, насколько... А ртом ты все так же работаешь? Череп кайфовал, я заметил. Значит, не забыла ты, как это делается.

– Нисевич, ты пожалеешь, что родился, – прошипела Марина. – Я убью тебя. Клянусь, я это сделаю!

– Нет, Коваль, ты не скажешь об этом никому. Иначе хозяин узнает, как ты ублажаешь Черепа. Тебе оно надо? Вряд ли хозяин похвалит тебя, подумай об этом. Кроме того, я же не любви твоей прошу, мне просто нужно твое тело, от которого я тащусь...

Он навалился на нее. Но Марина, от злости перестав бояться, со всей силы саданула ему коленом между ног. Нисевич от боли тут же ослабил хватку, чего ей вполне хватило, чтобы вырваться из его объятий и вскочить с кровати. Схватив стоявший рядом стул, она шарахнула им по голове Дениса так, что отломилась сразу пара ножек. Насильник обмяк, выронив скальпель, а Марина, высадив окно, заорала еще громче:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

По старым воровским понятиям, настоящий «вор в законе» не мог иметь семью, детей, имущество, собственность, долго жить в одном месте. Это в начале 90-х годов более молодые «воры в законе» стали отходить от этого правила, стремясь организовать свою жизнь более комфортно. Однако «воры» старой формации до сих пор придерживаются прежних понятий и относятся к их нарушителям с пренебрежением, хотя смертью больше не карают. – Прим. авт.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kramer_marina/chernaya-vdova-uchenica-al-kapone

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)